

Г. КОВАЛЕНКО

Швеция и Россия в XVII в.
Из истории политических и культурных
связей

GENNADIJ KOVALENKO

**Sverige och Ryssland
under 1600-talet**
Några episoder ur det politiska
och kulturella livet

Redaktörens rader

Forskningsarkivet i Umeå syftar till en nära samverkan mellan arkiven och forskningen vid universitetet. Fördenskull utger Forskningsarkivet källskrifter i skriftserien URKUNDEN. Där publiceras valda akter och dokument ur våra arkiv, som blivit aktuella i pågående forskning och utbildning vid universitetet.

På motsvarande sätt presenteras vetenskapliga framställningar och bearbetningar av det historiska källmaterialet i rapportserien SCRIPTUM.

Syftet med denna serie kan anges i följande huvudpunkter. Publikationsserien SCRIPTUM skall

1. utge forskningsmässiga kommentarer till utgåvor av källskrifter i Forskningsarkivets källserie URKUNDEN,
2. publicera andra forskningsrapporter med anknytning till Forskningsarkivets verksamhet, som befinns vara angelägna för den vetenskapliga metodutvecklingen och debatten,
3. publicera framställningar av t ex lokalhistorisk karaktär av mer allmänt intresse för Forskningsarkivets verksamhet och för en bredare allmänhet.

Härmed önskar Forskningsarkivet inbjuda alla intresserade till läsning och till att genom egna bidrag deltaga i utgivningen av skriftserien SCRIPTUM för ett ökat meningsutbyte inom och mellan olika discipliner vid vårt och andra lärosäten.

För Forskningsarkivet i Umeå

Egil Johansson

Innehållsförteckning

Förord	0
"Русские, турки и прочие язычники" Русские глазами шведов	1
<u>Resumé.</u> "Thet rydzer, turcker och andre hedninger" Hur svenskarna uppfattade ryssarna	9
Вера или трон. Карл Филипп и московский престол	10
<u>Resumé.</u> Tron eller tronen. Karl Filip och härskarmakten i Moskva	18
"Обратившись на московскую смуту" Юхан Видекинд - историограф Смутного времени	19
<u>Resumé.</u> "Att vända sig till oredan i Moskovien" Johan Widekind, Stora oredans historiker	38
<u>Bilaga.</u> Rossica Svecana under 1600-talet. Краткий обзор шведских описаний России XVII в.	39

Förord

Som Kungl. Vitterhetsakademiens stipendiat under åtta månader innevarande år gästar Gennadij Michajlovitj Kovalenko, historiker från Vetenskapsakademien i Novgorod, Religionsvetenskapliga institutionen i Umeå. Hans forskning kretsar kring frågor om den ryska statens roll i den politiska situationen åren 1611-1613 med speciell inriktning på svenska källor rörande Ryssland under 1500- och 1600-talen.

Samarbetet med Religionsvetenskapliga institutionen inleddes hösten 1993, då forskaren vid institutionen, FL Margareta Attius Sohlman, besökte Novgorod och etablerade ett fortgående samarbete utifrån sin forskning inom rysk kultur- och idéhistoria. Denna samverkan med Novgorod är av största vikt för den nya institutionens framväxt i Umeå och dess undervisning och forskning kring bl a ortodox kyrkoliv.

Här publicerar nu Gennadij M. Kovalenko tre rapporter samordnade och slutförda under vistelsen i Umeå. Sammanfattningar presenteras på svenska.

Umeå i oktober 1995

Egil Johansson

"Русские, турки и прочие язычники" Русские глазами шведов

В новейшем исследовании по истории отношений между Швецией и Россией отмечено, что предубеждение и недоверчивость шведов в отношении России также стары, как их история. Корни этого явления уходят во времена викингов и крестовых походов.¹ Вполне вероятно, что если бы русские не были соседями шведов, то вряд ли последние считали бы их своими кровными врагами ("arvfiende"), какими прежде были для них датчане. Но когда шведы подчинили себе Финляндию, и пришли в непосредственное соприкосновение с русскими, то многочисленные военные конфликты между ними создали почву для антипатии и взаимной вражды.² Олай Петри и Олай Магнус первыми из шведов писали о московитах, как об опасных соседях, часто совершавших опустошительные набеги на соседние народы.³

Вообще враждебное отношение к другим народам было характерно для европейского средневековья. Враждебность усиливалась, если речь шла о народах разных конфессий. Конфессиональные противоречия между шведами и русскими, возникшие почти одновременно с возникновением их государственности, обострились соперничеством за освоение лежавших между ними территорий и подчинение своему влиянию населявших их народов. Поскольку со стороны Швеции эта борьба велась в форме крестовых походов, то о русских, несмотря на то, что они были христианами, шведы говорили как о "язычниках" и "нехристях". Впервые так они названы наряду с финскими племенами в древнейшей шведской рифмованой хронике.⁴ В пропагандистских целях этот термин продолжал использоваться до начала 17 в. Так в 1556 г. во время очередного военного конфликта с Московией Густав Васа назвал своих противников язычниками и врагами христианства наряду с турками.⁵

В эпоху реформации отношение к православию в Швеции несколько смягчилось. К тому же по политическим соображениям ввиду нарастания противоречий с католическим миром Россию стали причислять к христианскому миру, и в правительственных кругах Швеции начинает распространяться концепция о единстве интересов православия и протестантизма в борьбе с общим врагом-агрессивным католицизмом. При этом шведы стали пользоваться терминами "идолопоклонники" и "заблудшие."⁶

Характерно, что известный немецкий теолог, активный противник реформации Иоанн Фабри уже в 1525 г. констатировал, что Россия является христианской страной, а шведские теологи только спустя почти сто лет, занялись исследованием вопроса о том, можно ли

¹ Nilsson S. Rysskräcken i Sverige. Örebro, 1990. s.6

² Nerman T. Svensk och ryss. Ett umgänge i krig och handel. Stockholm, 1946. S.302

³ Olaus Petri. En svensk crönika. // Samlade skrifter. B.IV. Uppsala, 1917. s.243, 250, 252, 254, 256, 258; Olaus Magnus. Historia om de nordiska folken. Del II. Stockholm, 1912, s.231

⁴ Хроника Эрика. Выборг, 1994. с.12-13

⁵ Konung Gustaf den förstes registratur. XXVI. Stockholm, 1911 .s.333

⁶ Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. с.182

считать русских христианами.⁷ Как показал шведский исследователь К.Таркиайнен, этот вопрос решался шведскими церковными и правительственными кругами в зависимости от политической конъюнктуры, под воздействием которой вероисповедание русских стали называть "старой греческой религией", а их считать христианами, хотя и второсортными.⁸ Вообще в 17 в. отношение шведской церкви к православию, с которым она пришла в тесное соприкосновение, не было дружественным, но и не отличалось той неприкрытой враждебностью, как отношение к римско-католической церкви.⁹

В 17 в. шведы обращают больше внимания на культурные отношения в России. В шведских источниках того времени все чаще встречается термин "варварский". Характерно, что М.Шаум употребляет его в сочетании со старой терминологией и называет русских "варварскими язычниками".¹⁰ Некоторые авторы объясняли заблуждения русских их непросвещенностью. В частности, М.Шаум связывал с этим качеством русских их веру в то, что Лжедмитрий действительно является царским сыном, случайно избежавшим смерти.¹¹

Варварство русских было одним из аргументов в антирусской пропаганде шведов, которая адресовалась просвещенным кругам европейской общественности уже в 16 веке. Так в латиноязычном панегирике "Panegiricus de Victoria . . . Regis Sueciae contra Moschum", посвященном Юхану III, Эрик Фальк изображает войну между Юханом III и Иваном IV, как войну между просвещением и варварством и рисует русского царя жестоким правителем нецивилизованного государства, противопоставляя ему мягкого и человеколюбивого шведского короля.¹² Отголоски этих представлений сохраняются и в 18 в. В 1724 г. Юхан Йерне писал, что "хотя московиты исповедуют греческую религию, но остаются едва ли не варварами."¹³

В шведской дипломатической переписке русские иногда характеризуются как тупоумные или неотесанные. Обвинения эти часто необоснованы. Так, например, в одном из писем к Михаилу Федоровичу Густав Адольф называет русских пограничных комиссаров неотесанными, поскольку они не подчинились шведским представителями, хотели указывать им, что они должны делать. В гораздо более сильных выражениях пишет об этих чертах русских П.Петрей: "Московиты по природе своей чрезвычайно грубы, распушены и невежливы в своих нравах, ухватках и разговорах, они совсем не считают грешным и срамным делом вести разговоры об ужасных вещах, не стыдятся также кашлять, харкать, чихать . . . за обедом, в гостях, в церкви или в другом месте на улице или на рынке, да еще

⁷ Attius Sohlman M. "Moscovitae fidem christianam sequuntur". Om synen på det medeltida ortodoxa Ryssland genom några samtida västeuropeiska resenärer. Umeå, 1994. s.15-17

⁸ Tarkiainen K. Den svenska synen på den grekisk-ortodoxa religionen i början av 1600-talet // Kyrkohistorisk årsskrift. 1971. s.114

⁹ Anjou L.A. Svenska kyrkans historia. Stockholm, 1866, s.156

¹⁰ Шаум М. Tragoedia Demetrio-Moscovitica. История достопамятных происшествий, случившихся со Лже-Димитрием и о взятии шведами Великого Новгорода // ЧОИДР. 1847 .2. с.3

¹¹ Там же, с. 11

¹² Arnoldsson S. Johan III:s självporträtt // Studier tillägnade Curt Weibull. Göteborg, 1946 s.53-55

¹³ Arne T. Det Stora Svitjod. Stockholm, 1917. s.167-168

смеются и очень потешаются тем.¹⁴ Следует отметить, что хорошие манеры в то время медленно прививались и в Европе. Так в 1624 г. специальный указ по Эльзасскому ландсграфству предписывал офицерам, приглашенным к эрцгерцогу, "являться трезвыми, чисто одетыми, не пить после каждого куса, не облизывать пальцы, не плевать в тарелку, не сморкаться в скатерть . . ."¹⁵

Русские праздники и развлечения, являвшиеся элементами народной культуры значительно отличались от шведских. Петрей, в частности, отмечал: "Лучшее удовольствие и развлечение у русских ездить и скакать верхом, стрелять из лука. Много играют в шашки и в зернь . . . некоторые играют в карты, другие забавляются бабкой, свайкой и чувилем. А таких удовольствий, как карусели, турниры танцы, фехтование и другие рыцарские упражнения у них нет. Когда играют свадьбу, то травят собаками больших медведей. С ними иногда бывает много музыкантов, которые поют бесстыдные и похабные песни, при этом играют на трубах, тромбонах, дудках и сопелках, а иногда бьют в барабаны. Из этого выходит удивительная музыка, такая же приятная, как собачий вой, а московиты очень рады и довольны, думая, что лучше и приятнее ее на свете нет."¹⁶ Это высказывание Петрея следует рассматривать в общем контексте наступления на народную культуру со стороны, как православной, так и католической церкви.

Сочинение Петрея интересно тем, что он пытается установить связь между характерными чертами образа жизни русских людей и политическим строем Русского государства. "Правительство держит их (русских - Г.К.) так строго и крепко, точно невольников или кабальных рабов, - пишет он. - Они не хотят научиться ничему приличному и честному и никуда не выезжают из своей земли, полагая, что город Москва единственный на свете, а великий их князь - самый могущественный и богатейший государь из всех королей."¹⁷ Его выводы перекликаются со словами Ю. Крижанича о том, что главная причина, по которой русские подвергаются презрению, пренебрежению и поруганию со стороны других народов - это их невежество и неуважение к наукам.¹⁸

Шведы, побывавшие в России, наделяют русских такими атрибутами, как "гордость" и "надменность". Вообще слово "гордость" имеет как положительный, так и отрицательный смысл. По наблюдениям К.Таркнайнена, как атрибут в описании русских оно чаще употреблялось с негативным оттенком как синоним слов "высокомерный", "чванливый".¹⁹ Этот эпитет отражал также высокоразвитое чувство собственного достоинства русских, их сдержанность в общении с иностранцами.²⁰

¹⁴ Петрей П. История о Великом княжестве Московском. М., 1867 с.385

¹⁵ Цит. по :Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм 15-18 вв. Структуры повседневности. М., 1986. с.224-225

¹⁶ П.Петрей .Указ соч.с.395-396

¹⁷ Там же. с.393

¹⁸ Крижанич Ю. Политика. М., 1965.с.476

¹⁹ Весьма показателен в этом плане эпизод, описанный французским дипломатом Шарлем Огье. Он пишет о том, что русский посол на два часа опоздал на аудиенцию к шведской королеве Кристине по той причине, что для него и его свиты было выделено недостаточное количество экипажей. (Från Sveriges storhetstid. Franske legationssekreterare Charles Ogiers dagbok under ambassaden i Sverige 1634-1635. Stockholm, 1914. s.86)

С гордостью и надменностью русских связано достаточно устойчивое представление шведов о своем восточном соседе как о несговорчивом партнере по переговорам. Туркусский епископ П.Юстен, посетивший Россию с дипломатической миссией, писал о том, как "трудно и опасно быть послом у тиранов, которые считают правильным лишь то, что решают сами."²¹ Отметим, что такая характеристика в значительной степени основывалась на представлении, согласно которому всякий, кто не соглашался на предложения шведской стороны считался упрямым и несговорчивым партнером.

Однако иногда претензии шведов следует признать справедливыми, особенно в тех случаях, когда речь идет о первых годах правления новой династии, которая рассматривала дипломатию как средство укрепления власти внутри страны и повышения ее международного престижа. Абсолютизация царской власти внутри страны и на международной арене находила выражение в упорной, изощренной, а иногда и не имевшей смысла борьбе по вопросам титулатуры. Еще Олай Магнус писал, что "длинный и хвастливый титул московского великого князя вызывает у соседних народов скорее недоумение, чем трепет перед его властью."²²

Такой взгляд на русских как партнеров по дипломатическим переговорам со шведами разделяли поляки. Польский дипломат К.Варшевицкий в своем сочинении "О послах и посольствах" отметил, что переговоры с русскими напоминают торг, поэтому для переговоров в Россию следует посылать людей предусмотрительных, осторожных, способных терпеливо вести долгие "торги."²³

Описывая русских как партнеров по переговорам, шведы часто характеризуют их как умных и ловких людей, но отмечают при этом, что свой ум они направляют на то, чтобы дурачить и обманывать своих партнеров по переговорам и противостоять интересам восточной политики шведской короны.

Шведы называли русских "лживыми" также в тех случаях, когда речь шла о конкретных нарушениях обещаний и обязательств. Особенно много обвинений в лживости в описаниях русской торговли. Еще Олай Магнус писал о лукавых москвитях, которые, пользуясь наивностью и доверчивостью жителей Севера, расплачивались с ними фальшивыми деньгами или сбывали им поддельные меха редких животных.²⁴ В мошенничестве упрекал русских купцов и П.Петрей. "В торговле они очень обманчивы, плутоваты и лукавы, - писал он. - Легко могут надуть какого-либо простака или олуха, не знающего их приемов, обычаев и сноровки. Часто случается, что не знающий цены товара легко бывает обманут ими."²⁵ Отметим, что такие приемы торговли были свойственны не только русским купцам. Швед Лиллиенгоф отмечал, что "иноземные купцы не упускали случая хитростью добиться своих целей."²⁶

Отличительной чертой русского народа, по наблюдениям шведов, являлась его склонность к крепким напиткам. Хрестоматийным для

²¹ Juusten P. Lyhyt kertomus siitä lähetystehtävästä jonka Turun piispa Paavali Juusten suoritti Moskovassa // Mikkola J. Lännen ja Idän Raiolta. Porvoo, 1942. s. 178

²² Olaus Magnus. Op. cit. s. 230

²³ Юзефович Л.А. "Как в посольских обычаях ведется ..." М., 1988. с. 144

²⁴ Савельева Е.А. Олаус Магнус и его "История северных народов". Л., 1983. с. 74-77

²⁵ Петрей П. Указ. соч. с. 399

²⁶ Lillienhoff J. Betänkande över den ryska handeln // Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Ryssland under 1600-talet. Stockholm, 1978. №39

них в этом смысле был случай с русским гонцом, который перед аудиенцией у Карла IX решил утолить жажду не вином, а водкой, в результате чего скончался, так и не выполнив возложенного на него поручения.²⁷ Для шведов это было тем более удивительно, что в 17 в. водка не была у них особенно популярна. Множество красочных описаний русского пьянства приводит Петрей: "Как женщины, так и мужчины пьют до неумеренности и излишества, что не в состоянии ни ходить ни стоять, от того многие из них умирают скоропостижно . . . Некоторые закладывают не только кафтаны, но даже шапки, сапоги, рубахи и бегут нагишом домой . . . Некоторые бывают до того пьяны, что будучи не в состоянии идти домой, остаются в грязи или в снегу на улице . . . Это часто случается не только с мужчинами, но и с женщинами, в том числе и знатными."²⁸

Петрей отмечает, что неумеренность свойственна русским не только в употреблении алкоголя, но и в еде. "На своих пирах и вечеринках, - пишет он, - москвиты употребляют вдоволь еды и напитков так, что часто велют подавать до 30 и 40 блюд как рыбных, так и мясных."²⁹

Шведские авторы отмечали униженное положение русских женщин, для которых побои мужа и унижения были настолько привычным явлением в супружеской жизни, что их считали доказательством супружеской любви. В этой связи Петрей приводит рассказ об иностранце, женившемся на русской женщине, которая была недовольна тем, что он не выражал своих чувств к ней именно таким образом.³⁰

За русской женщиной не признавали умственных способностей, считали, что она во всем ниже мужчины, а к ее нравственности относились гораздо строже, чем к нравственности мужчины. Следует отметить, что такой взгляд на женщину был распространен и в то время и в Западной Европе. Финская исследовательница К. Утрио отмечает, что европейскую женщину как бы погрузили под поверхность жизни. Внешний государственный, экономический и интеллектуальный мир не признавал ее существования. Она утратила возможность распоряжаться собой, имуществом, детьми, выражать свои мысли.³¹

В шведских сочинениях отмечается низкий уровень половой морали русских. Обычным явлением в супружеской жизни была неверность в браке. Вина за это, как правило, возлагалась на женщин. "Русские женщины, - пишет Петрей, - сладострастны и не пропускают ни малейшего к тому случая, только бы он им представился, даже часто раздражают мужей к венеринной потехе с ними, а особенно иностранцев, к которым очень равнодушны. Если их мужья не станут зорко смотреть за ними, они поднимут сильное распутство с другими мужчинами, потому что очень сильно расположены к сладострастию."³²

Шведские источники часто фиксируют различные отклонения от обычных норм сексуальности - гомосексуализм, педофилию, зоофилию. Особенно распространен был содомский грех, в том числе и в высших кругах русского общества. Перебежавший в 1616 г. к шведам дворянин М. Клементьев свидетельствовал, в частности, что молодой царь "не

²⁷ Петрей. П. Указ. соч. с. 389

²⁸ Там же. с. 389-390

²⁹ Там же. с. 388

³⁰ Там же. с. 141

³¹ Utrio K. Eevan tyttäret. Helsinki, 1985. s. 272

³² Петрей П. Указ. соч. с. 387, 410

особенно занимается делами управления, а от природы имеет грубый и ограниченный ум и к тому же склонен более к безбожным и мерзким делам содомитского свойства, нежели к христианским добродетелям. Поэтому эти содомитские дела входят здесь в ежедневный обиход."³³

Поскольку вышеперечисленные отрицательные свойства русских относятся к области морали, то по мнению шведов, их должна постигнуть божья кара. Для многих шведских сочинений о России характерна мысль о божьей каре как о возмездии, которое ожидает русских. Ее высказал, в частности, М.Шаум, начавший свое сочинение о событиях в России с рассуждений о том, что Смута в России была наказанием русским за их грехи. По его мнению, однако, европеец не должен был радоваться бедам русских, он должен был извлечь из них урок для себя.³⁴

Несмотря на то, что в шведском стереотипе русских преобладали отрицательные характеристики, в ряде случаев шведы отмечают и их положительные качества.

Просторы Русского государства, его мощные природные ресурсы придавали известный блеск населявшему его народу. В военной области невольное почтение и изумление внушал шведам тот факт, что великий князь в случае необходимости мог выставить большую армию. Этой армии, по мнению шведов, однако, не хватало мужества. Петрей отмечал, что русские никогда не нападали на противника, если не были уверены, что они в десять раз сильнее его, и при сильном сопротивлении, как правило, отступали. Если же речь шла об обороне, то здесь шведы признавали за русскими усердие и упорство. В 1610-1617 гг. шведы неоднократно имели возможность убедиться в том, как мужественно обороняют русские свои города от врагов. Ф.Шединг писал о том, что жители Ивангорода защищали свой город с упорством, которое вряд ли можно обнаружить у других народов.³⁵

Положительно отзывался о физических качествах русских Петрей. Он отмечал, что они "обыкновенно высокие, крепкие, дородные и статные молодцы", крепкое телосложение которых сочетается с хорошим здоровьем." Что же касается женщин, - писал он, - то они чрезвычайно красивы и белы лицом, очень стройны, имеют небольшие груди, большие черные глаза, нежные руки и тонкие пальцы, но безобразят себя тем, что не только лицо, но глаза, шею и руки красят разными красками."³⁶

В целом, в Швеции было распространено мнение о том, что русские - это сильные и здоровые люди, не знающие многих болезней, "которые в ходу в других странах", и способные, но не склонные к работе.³⁷ Эту их особенность отмечал, в частности Э.Пальмквист.³⁸ О практической сметке и уме русских торговцев писал Олай Магнус.³⁹

Как правило, шведские авторы положительно характеризуют русских, сотрудничавших со шведами. Особенно лестной характеристики удостоился М.В.Скопин-Шуйский: "умный, сильный

³³ Коваленко Г.М. Сообщение М. Клементьева. // Новгородский исторический сборник. 4 (14). СПб - Новгород, 1993. с.129

³⁴ Tarkiainen K. De ryska "nationalegenskaperna" enligt svensk uppfattning i början av 1600-talet // SSLF.456.Helsingfors, 1973. s. 44-47

³⁵ Tarkiainen K. Op.cit., s.47-49

³⁶ Петрей П. Указ.соч. с.387

³⁷ Attius Sohlman M. Op.cit., s.78

³⁸ Palmquist E. Någre widh sidste kongl.Ambassaden till Tsaren i Muscou gjorde Observationer öfver Ryssland.Stockholm, 1874. s.3

³⁹ Olaus Magnus.Op.cit.s.238-239

духом и телом, прекрасный лицом, обходительный в обращении, опытный военачальник."⁴⁰

В целом же отношение шведов к своему восточному соседу, зафиксированное в сочинениях шведских авторов и официальных документах, было негативным. Следует отметить, что шведы враждебно относились не только к русским, но и к другим народам, особенно соседним. В правящих кругах Швеции господствовало мнение о том, что все соседние народы, будь то поляки, русские или датчане, являются врагами.⁴¹ Церковь была вынуждена даже бороться с ксенофобией шведов. В 1571 г. было издано церковное постановление, объявлявшее недостойной христиан хулу в адрес других стран и народов.⁴²

Негативное отношение шведов к русским К.Таркиайнен объясняет тем, что между Восточной и Западной Европой существовала четкая культурная граница.⁴³ С этим можно согласиться, но следует иметь в виду еще некоторые обстоятельства. Авторы наиболее известных шведских сочинений о России, формировавших общественное мнение, побывали в Русском государстве не в лучший период его истории. Они наблюдали его во время тяжелейшего внутривосточного кризиса, осложнявшегося вмешательством извне, когда деморализация общества достигла критической точки.

Следует также учитывать, что ко времени появления первых шведских сочинений о России существовала уже более или менее устойчивая негативная традиция в западноевропейских описаниях России, в русле которой следовали шведские авторы 17 века. Начало шведской традиции положил финляндский епископ П.Юстен, который был послан в Россию с дипломатической миссией и провел два года в русском плену. Вполне понятно, что его сочинение об этой поездке написано в духе крайней враждебности к стране, которая так приняла его. Злоключения шведского посольства в России стали широко известны в Швеции и укоренились в народной памяти, а сочинение Юстена повлияло на формирование общественного мнения. Весьма характерно, что на финском языке оно было издано в то время, когда Финляндия и Советский Союз находились в состоянии войны.⁴⁴

Предвзятость авторов некоторых шведских сочинений была связана с характером их занятий. Вряд ли могли испытывать симпатии к русским королевский историограф Ю.Видекинд, описывавший военные действия шведов в России, или инженер-капитан Э.Пальмквист, собиравший секретную информацию о Русском государстве, по его же словам, "тайным обычаем с риском для жизни."⁴⁵ Отметим также связь между закрытым характером русского общества и режимом пребывания иностранцев в России.

И, наконец, следует учитывать также фактор, который можно назвать "установкой на обеспечение безопасности этноса". Уже в 17 в. в Швеции существовало представление о том, что основой внешней политики России является поиск жизненного пространства, территориальная экспансия. Поэтому Россия - это опасный сосед, доверять которому нельзя и для защиты от которого Швеция должна

⁴⁰ Widekind J. Thet Swenska i Ryssland Tijo åhrs Krijgz-Historie. Stockholm, 1671. s. 75

⁴¹ Tarkiainen K. Den svenska synen ... s. 38

⁴² Tarkiainen K. De ryska "nationalegenskaperna" ... s. 51

⁴³ Tarkiainen K. Se Wanha wainooja. Helsinki, 1986. s. 12

⁴⁴ Denker R.S. Der finländische Bischof Paul Juusten und seine Mission in Russland. // Rossica Externa. Marburg, 1963. s. 37, 54

⁴⁵ Palmquist E. Op. cit., s. 2

иметь буферную зону.⁴⁶ В 18 в. на смену недоверию пришел страх. Он зародился в годы Северной войны, когда, перехватив инициативу у Карла XII, Петр I отказался от прежних обязательств, данных союзникам - ограничиться русскими территориями, отторгнутыми после Смуты - и уже в 1710 г. включил в состав Русского государства Эстляндию и Лифляндию.⁴⁷ Этот страх усиливался на протяжении всего столетия под влиянием таких событий, как оккупация Финляндии в 1740-х гг., хроническое вмешательство России во внутренние дела Швеции, подписание русско-датского договора 1765 г. о недопущении сильной королевской власти в Швеции, разделы Польши.⁴⁸

Сочинения шведских авторов 16-17 вв. (Юстена, Петрея, Шаума, Ботвида, Пальмквиста, Кильбургера, Видекинда) в той или иной степени отражали официальную точку зрения. Составить представление о том, что думали о своем восточном соседе простые шведы, особенно те, кто имел дело с русскими, весьма затруднительно. Историки не могут заставить говорить ушедших из жизни свидетелей, они вынуждены обращаться к источникам, которые не могут охарактеризовать общественное мнение в целом, поэтому зримой оказывается лишь какая-то часть.⁴⁹ Очевидно, все-таки, общественное мнение не всегда совпадало с официальным. Об этом, в частности, свидетельствует такое своеобразное явление, как "пограничное" или "крестьянское" перемирие, периодически заключавшееся между порубежными жителями Северной России и Финляндии на время военных действий между Россией и Швецией в 17-18 вв.⁵⁰

46 Tarkiainen K. *Faran från öst i svensk säkerhetspolitisk diskussion inför Stolbovafreden* // *Scandia*. 40.h.1.1974.s.36

47 Анисимов Е.В. *Рождение империи* // *Вопросы истории*. 1989. №7.с.19-20

48 Страх перед военной мощью России, в той или иной степени существовавший в Швеции до недавнего времени, сменился опасениями относительно последствий развития внутренней ситуации в России. Военная угроза с ее стороны представляется теперь маловероятной. Шведов гораздо больше тревожит рост организованной преступности в России и перспектива ее превращения в криминальное государство или развитие событий по югославскому варианту, следствием чего может стать неконтролируемый со стороны российских властей поток беженцев в Швецию.

49 Tarkiainen K. *De ryska "nationalegenskaperna"...* s.16

50 Беспятых Ю.Н. "Крестьянское перемирие" и пограничная торговля между северными районами России и шведской Финляндии в начале XVIII в. // *Скандинавский сборник XXVI*. Таллин, 1970. с. 50-57

Resumé

"The rydzer, turcker och andre hedninger!" Hur svenskarna uppfattade ryssarna

Svenskarnas fördomar och misstro gentemot ryssarna är lika gamla som folkens gemensamma historia. Då svenskarna underkuvade Finland och därmed kom i omedelbar kontakt med ryssarna så skapade de talrika krigskonflikterna en jordmån för antipati och ömsesidig fiendskap, som förstärktes av religiösa och kulturella skillnader. Fram till slutet av 1500-talet kallades ryssarna för "hedningar" och "icke-kristna" av svenskarna, och först i början av 1600-talet erkändes de som kristna, fast icke fullvärdiga.

Under stormaktstiden härskade i Sverige en fast övertygelse om att grundmotivet i Rysslands utrikespolitik var territoriell expansion. Därför ansåg man Ryssland vara en farlig granne, som man aldrig kunde lita på, och som Sverige borde ha en buffertzona mot som skydd. Misstron förbyttes i skräck under 1700-talet efter nederlaget i det Stora nordiska kriget, som innebar slutet på det svenska stormaktsväldet.

Bland svenskar, som skrev om Ryssland finner vi Pavel Justen, Matthias Schaum, Erich Palmquist, Johan Kilburger och Johan Widekind. Dessa författare följde i spåren av den västeuropeiska traditionen, vilken på det hela taget var negativt inställd mot Ryssland. Samtidigt avspeglar deras verk mer eller mindre den officiella ståndpunkten. Men vad vanligt folk i Sverige tänkte om sin granne i öster är ytterst svårt att göra sig en föreställning om.

Вера или трон. Карл Филипп и московский престол

В начале 17 века Русское государство переживало один из самых драматических периодов своей истории. Хозяйственный упадок, слабость власти, межобластная рознь, деморализация общества, иностранное военное вмешательство - вот составные части глубокого кризиса, поставившего государство на грань распада. Характеризуя ситуацию в стране, В.О.Ключевский писал: "Государство, потеряв свой центр, стало распадаться на составные части, преобразуясь в какую-то бесформенную массу."¹ Борьба боярских группировок не позволяла выдвинуть из их среды достойного кандидата на престол. Ставший царем в результате боярской интриги В.Шуйский, получивший прозвище "шубник", не пользовался популярностью и доверием. Его царствование было отмечено отсутствием политической инициативы и низким уровнем нравственности правящей верхушки. По словам И.Е.Забелина, "Вся правящая и владеющая среда в государстве утратила в глазах народа малейшее нравственное значение. Она вся изолгалась, перессорилась, потянулась в разные стороны, преследуя от первого до последнего человека лишь одну цель - захват власти, захват владения. Все искали и хватали себе побольше личного благополучия и вовсе забывали о том, что надо было всей Земле."²

Современники Смуты искали выход из ситуации, в которой они оказались. В условиях, когда русское общество, казалось, утратило нравственные ориентиры и политическую организацию и не находило руководящей силы в самом себе, популярной становится мысль о том, что Смута может прекратиться только "государским сыном". А поскольку в России такового не было, то его стали искать за границей. Смысл этих поисков объяснил сторонник шведского кандидата В.Бутурлин: "Мы на опыте своем убедились, что сама судьба Московии не благоволит к русскому по крови царю, который не в силах справиться с соперничеством бояр, так как никто из вельмож не согласится признать другого достойным высокого царского сана."³ Примерно так же аргументировал свою позицию сторонник польского претендента: "В числе князей нет никого, кто мог бы сказать, что он знатнее других родом и саном. Следовательно если выберем царем какого-либо князя, бояре будут ему завидовать и крамольничать: никто не любит кланяться равному. Итак, возьмем чужеземца, который сам был бы королевского рода и в России не имел себе подобного."⁴ Вообще избрание государя из числа членов иностранной королевской семьи было в то время весьма распространенной практикой в Европе. И как правило, призванные государи служили национальным интересам призвавшей их страны не хуже, чем природные.

После распада Тушинского лагеря в условиях обострения кризиса власти в феврале 1610 г. был подписан договор об условиях передачи московского престола польскому королевичу Владиславу, которому в то время было 15 лет. В то же время была высказана мысль о

¹ Ключевский В.О. Сочинения. Т.3.М.,1957.с.60

² Забелин И.Е. Общий очерк Смутного времени. // Родина.1990. № 1.с.20

³ Цит. по: Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М.,1991.с.208

⁴ Бер М. Летопись московская. // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т.1. СПб.,1859. с.124

приглашении на русский престол шведского принца. По некоторым сведениям, его кандидатура обсуждалась боярами после свержения В.Шуйского.⁵ В августе 1610 г. главнокомандующий шведскими войсками в России Якоб Делагарди обратился с письмом к новгородцам и москвичам, предостерегая их от избрания царем сына польского короля. Он советовал им избрать царем одного из сыновей Карла IX, если они не хотят выдвинуть кандидата из своей среды.⁶ В этой связи шведский историк Х.Альмквист отметил, что "кандидатура шведского принца возникла не в блестящий период побед шведского оружия, а в безнадежной ситуации как последнее средство для противодействия династическим планам польского короля."⁷

Решение об избрании шведского принца русским царем было принято руководством ополчения после того, как подошедший к Москве гетман Сапега заключил договор с Гонсевским и объявил войну ополчению. В этой ситуации сближение со Швецией представлялось руководству ополчения неизбежным шагом. 23 июня совет ополчения вынес решение об избрании одного из сыновей шведского короля "государем, царем и великим князем всея Руси".⁸ По всей вероятности, у шведского кандидата в руководстве ополчением были не только сторонники, но и противники. Не случайно "бояре и дворяне и всяких чинов служилые люди советовались не по один день", прежде чем принять такое решение. Тем не менее, оно было принято, и о нем сообщили в Новгород, где представитель ополчения В.Бутурлин вел переговоры с Я.Делагарди, стоящим лагерем у Хутынского монастыря. Шведы настойчиво требовали денег для уплаты жалования наемникам и передачи пограничных крепостей. Эти требования были неприемлимы для новгородцев. Поэтому переговоры затягивались и в конце концов зашли в тупик.

16 июля шведы штурмом овладели Новгородом. Договор, который новгородские власти заключили с Делагарди, предусматривал избрание одного из сыновей шведского короля великим князем Новгородского государства, а также Московского и Владимирского государств, если они того пожелают.⁹ Делагарди от имени короля обещал "не делать никакого препятствия и притеснения их вероисповеданию и богослужению, не принуждать к принятию иной веры, но как доселе было, так и впредь оставить свободное отправление древнего греческого исповедания, не разрушать и не расхищать храмов, монастырей и образов, не причинять никакой обиды священнослужителям."¹⁰ В январе 1612 г. в письме к новгородцам Густав Адольф обещал сохранить их православную веру и не разрушать церквей и монастырей. Год спустя, он уже от имени Карла Филиппа пообещал новгородцам "сохранять и укреплять их старую

⁵ Замятин Г.А. Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве в начале 17 в. // Отдел рукописей РНБ. ф.618, картон 2, очерк 2, лл.15-16

⁶ Замятин Г.А. Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале 17 ст. // Архив СПбФРИ РАН. ф.276. оп.2, № 90, лл.6-7

⁷ Almquist H. Sverige och Ryssland 1595-1611. Uppsala, 1907. s.199

⁸ Текст этого приговора не сохранился, он опубликован в сочинении шведского историка Ю.Видекинда (Widekind J. Thet Swenska i Ryssland Tijo åhrs Krijgz-Historie. Stockholm, 1671. s.361-365)

⁹ См. : Коваленко Г.М. Договор между Новгородом и Швецией 1611 г. // Вопросы истории. 1988. № 11. с.131-134

¹⁰ СГТид. II. м., 1819. с. 557

греческую религию".¹¹ Почти в то же время он заверил своих подданных в том, что никакая другая религия кроме лютеранской не будет разрешена в государстве или провинциях.¹²

Подписав договор, новгородские власти вынуждены были взять на себя дальнейшие переговоры со шведами, в том числе, и по вопросу престолонаследия. В декабре 1611 г. они составили инструкцию посольству, направлявшемуся в Швецию. Свое обращение к шведскому кандидату они мотивировали приговором ополчения от 23 июня, а также тем, что "прежние государи наши и корень их царский от их же варяжского княжения, от Рюрика."¹³ То есть одним из аргументов в пользу шведского кандидата было его родство с пресекавшимся царским родом. Главным вопросом при выборе кандидата было его вероисповедание. Не случайно основным требованием, как к польскому, так и к шведскому претендентам было требование об их переходе в православие. Но именно это было неприемлимым, как для Сигизмунда III, так и для Густава II Адольфа. На риксдаге 1612 г. духовенство высказалось за то, чтобы Карл Филипп сохранил лютеранское вероисповедание.

В то время, когда новгородское посольство выехало в Швецию, Карл IX умер, но новгородцы об этом не знали, поэтому вопрос о том, кто именно из сыновей Карла IX станет их князем и русским царем, не был для них принципиально важен, и они должны были просить короля, чтобы он, "видя в Московском государстве такие беды и кровопролитие, дал из двух сынов своих королевича князя Густава Адольфа или князя Карла Филиппа, чтобы им успокоилось Русское государство."¹⁴ Однако, когда по прибытии в Стокгольм новгородские послы узнали о смерти Карла IX, этот вопрос приобрел особую остроту. Ведь если бы они предложили российскую корону Густаву Адольфу, ставшему королем, то это означало бы объединение двух государств, вследствие чего они стали бы подданными шведской короны. С этим они не могли согласиться, и поэтому предложили престол младшему брату короля Карлу Филиппу.¹⁵

Однако Густав Адольф был другого мнения на этот счет. Он объявил новгородцам, что намерен взять бразды правления в свои руки и пообещал им в ближайшее время прибыть в Новгород. В ответ на это новгородцы заявили ему: "Мы без труда представляем себе как обширны заботы, легшие на Ваше Величество вместе со шведской короной. Их обширность такова, что одному человеку не по силам управлять двумя государствами и прежде всего умиротворить множество смут до сих пор потрясающих Московию. Русское государство же по своей обширности не может существовать без своего государя."¹⁶ Этим ответом новгородцы дали сдержанный, но достойный отпор планам Густава Адольфа. Этой линии они твердо

¹¹ Tarkiainen K. Den svenska synen på den grekisk-ortodoxa religionen i början av 1600-talet. // Kyrkohistorisk årsskrift. 1971. s. 135-136

¹² Anjou L.A. Svenska kyrkans historia. Stockholm, 1866. s. 152

¹³ Дополнения к актам историческим. Т.1. СПб., 1846. с. 284

¹⁴ Там же

¹⁵ Карл Филипп (1601-1622) - младший сын шведского короля Карла IX и Кристины Гольштейн-Готторпской, герцог Седерманландский и Верmlandский. В 1620 г. вступил в брак с Элизабет Рибинг. В 1621 г. принимал участие в военных действиях в Ливонии. В 1622 г. умер от чумной лихорадки в Нарве. Его смерть сыграла роковую роль в судьбе династии Вас, шведская ветвь которых прекратила свое существование с отречением королевы Кристины в 1654 г.

¹⁶ Widekind J. Op.cit. s. 418-419

держались и в дальнейшем, при этом главным аргументом для них был Карл Филипп.

Весьма заметную роль в отношениях между Швецией и Россией играл Я. Делагарди, возглавлявший шведскую военную администрацию на оккупированных шведскими войсками новгородских землях. В 1611 г. перед ним открылась вполне реальная и заманчивая перспектива стать создателем новой правящей династии в России и занять при ней соответствующее место. В своих письмах к королю, вдовствующей королеве и шведским сановникам он доказывал, что избрание Карла Филиппа было бы для Швеции единственной возможностью оказывать действительное влияние на развитие событий в России и просил, чтобы принц как можно скорее выехал в Новгород. "Если Карл Филипп, - писал он, - будет избран русским царем, то Швеция получит не только мир и спокойную границу на востоке, но и союзника в борьбе с Польшей. В противном случае усиление анархии в России создаст условия для расширения польской интервенции." Карл Филипп на московском престоле казался ему предпочтительнее, чем Густав Адольф, объединивший под своей властью две державы. В этом плане его интересы совпадали с интересами новгородцев, которые надеялись в лице Карла Филиппа обрести твердую власть и гарантию от территориальных притязаний шведского короля. Несмотря на все усилия Делагарди, в 1612 г. Карл Филипп так и не получил разрешения отправиться в Россию. Его отъезду препятствовал не только Густав Адольф, но и вдовствующая королева Кристина, которая не хотела отпускать малолетнего сына в такую дикую и варварскую страну, какой, по ее мнению, была Россия.¹⁷ Весьма скептически относился к идее создания новой династии в России и такой влиятельный политик, как Аксель Оксеншерна, только что ставший канцлером.

Политика - это искусство возможного, и в этом плане 1612 год был решающим для реализации планов создания новой династии в России. Весной и летом этого года произошел обмен посольствами между руководством Нижегородского ополчения и новгородскими властями. В центре этих переговоров был вопрос о шведском принце. По традиции, восходящей к "Новому летописцу" в исторической литературе утвердилось мнение, что эти переговоры велись с единственной целью - предотвратить нападение шведов на поморские города. "А того у них и в думе не было, чтоб взять на Московское государство иноземца." - писал автор "Летописца", близкий ко двору Романовых человек.¹⁸ Не вдаваясь в подробности, отметим, что переговоры руководства ополчением с Новгородом в 1612 г. носили многоцелевой характер. Их ближайшая цель, состоявшая в том, чтобы устранить угрозу шведского вмешательства, была достигнута. Но обсуждение кандидатуры шведского принца при этом не было дипломатическим маневром, этот вопрос обсуждался всерьез. Тем не менее, поддержав идею избрания Карла Филиппа русским царем, ярославское правительство очевидно извлекло уроки из истории с королевичем Владиславом и отнеслось к этому проекту с определенной осторожностью. Оно ожидало от принца перехода в православие, а от короля каких-либо шагов, которые свидетельствовали бы о его искреннем желании дать России царя и

¹⁷ Widekind J. Op. cit. s. 425-426

¹⁸ ПСРЛ. Т. XIV. М., 1865. с. 121. Версии "Нового летописца" следовали многие авторы (С.В. Чернышов, Д.В. Цветаев, Р.Г. Скрынников). Впервые эту точку зрения подверг критике Г.А. Замятин ("Новый летописец" о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 г. // ЖМНП. 1914. Март)

оказать действенную поддержку в борьбе с польско-литовскими отрядами.

После освобождения Москвы новгородцы напомнили руководству ополчением о Карле Филиппе, и получили ответ, в котором было сказано: "Нам теперь такого великого государственного и земского дела, не обославшись и учиня совета . . . со всеми государствами Российского царства от мала до велика одним учинить нельзя. И мы теперь об избрании государском и о совете, кому быть на Московском государстве, писали во все города, чтоб из всех городов присылали к нам в Москву."¹⁹ В этих словах нет ни отказа от кандидатуры Карла Филиппа, ни попытки затянуть решение проблемы на неопределенное время. Вопрос был слишком серьезен, чтобы решать его наспех без учета позиции всей земли.

Кандидатура шведского принца имела сторонников на избирательном соборе 1613 г. Среди них был и Д.М.Пожарский, предлагавший "не выбирать в великие князья никого из своих одноплеменников, так как с ними не было никакого счастья и удачи, и без чужой помощи нельзя будет стоять против врагов и оборонять страну, но надо взять великого князя из чужих государей и государств."²⁰ Как отметил Л.В.Черепнин, "Вряд ли может быть сомнение в наличии в феодальной среде настроений в пользу призыва иноземных правителей как панацеи от внутрибоярских смут."²¹

Однако, затягивая решение династического вопроса и не отпуская Карла Филиппа в Россию, Густав Адольф упустил время. Во второй половине 1612 г. ситуация изменилась. Произошла эволюция общественного сознания. Освобождение Москвы от поляков показало, что выйти из кризиса можно и без "государского сына".²² Кроме того многолетнее иностранное военное присутствие привело к росту антипольских и антишведских настроений. Доминирующей становится национально-православная идея, сплотившая русское общество и удержавшая его на грани, за которой начиналась национальная катастрофа.

Новгород же был отрезан от земского движения. Новгородцы не приняли участия в освобождении Москвы, их представителей не было на избирательном соборе. Поэтому они продолжали держаться прежней линии, сохраняя веру в Карла Филиппа, как панацею от всех бед. В то же время они категорически отказывались присягать Густаву Адольфу. Новгородские власти не были официально уведомлены об избрании Михаила Романова. Напротив, вести из Москвы, поступившие в Новгород в начале 1613 г., укрепляли веру новгородцев в победу шведского кандидата. Так, вернувшийся из Москвы в январе Богдан Дубровский говорил, что все бояре желают избрания Карла Филиппа. Два купца, приехавшие в Новгород в феврале, называли в числе кандидатов Михаила Романова, но уверяли, что "бояре совершенно против него и настроены в пользу князя из чужого государства и королевского рода."²³

¹⁹ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.V:9. М., 1961. s.72

²⁰ Сборник НОЛД.5.Новгород,1911.с.27; Almquist H.Tsarvalet år 1613.Karl Filip och Mikael Romanov // Historiska studier tillägnade Harald Hjärne.Uppsala,1908.s.20

²¹ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в 16-17 вв. М.,1978.с.200

²² Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол.1611-1616. Юрьев,1913.с.92; Любомиров П.Г. Очерки истории Нижегородского ополчения. М.,1939. с.214-215

²³ Сборник НОЛД.5. Новгород,1911.с.17-18, 20-22

О результатах выборов новгородцы узнали только летом, и они были для них полной неожиданностью. В то же время в Новгород продолжали поступать известия о том, что избрание Михаила Федоровича было делом рук казаков, а бояре желают Карла Филиппа. Делагарди, обобщая поступающие к нему сведения, писал королю, что "казаки избрали Михаила Романова против воли бояр и своих военачальников Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского в их домах осадили и принудили согласиться на свое избрание."²⁴ Среди новгородцев были и противники Карла Филиппа, опасавшиеся повторения истории с королевичем Владиславом, приглашение которого на русский престол было использовано Сигизмундом для того, чтобы самому захватить власть в России

Последней главой в истории о шведском претенденте на московский престол стали переговоры в Выборге, куда летом 1613 г. прибыл шведский принц. Он выехал из Стокгольма в июне, не зная о решении Земского собора, избравшего Михаила Романова. Новгородцы также должны были отправить своих предсавителей в Выборг, однако их отъезд задерживался. В одном из документов сказано, что они медлили с отъездом "за нынешней смутой, которую завели воры и изменники."²⁵ Под смутой имелись в виду разногласия между приверженцами Карла Филиппа и сторонниками Михаила Федоровича. В ходе этой борьбы победили сторонники Карла Филиппа. На его стороне выступили, главным образом, представители посадской верхушки, видевшие в нем твердую власть, способную защитить их от казаков. Приверженцы Михаила Федоровича остались в меньшинстве, и новгородское посольство во главе с архимандритом Киприаном выехало в Выборг.

В соответствии с инструкцией шведские представители на переговорах должны были настаивать на том, чтобы Карл Филипп сохранил свою веру, а для его свиты в Москве были построены лютеранские церкви.²⁶ Такая позиция шведской стороны обрекала эти переговоры на неудачу. Лютеранин не мог стать царем в православной стране. Шведский исследователь А. Шеберг в этой связи отметил, что самым трудным вопросом на переговорах был вопрос о переходе Карла Филиппа в православие, на чем безусловно настаивала русская сторона. Шведская же сторона твердо стояла на том, что принц сохранит свою веру.²⁷ 12 января 1614 г. новгородские послы в последний раз получили аудиенцию у Карла Филиппа. Г. Горн объявил им, что принц не может выехать в Новгород, так как до него дошли вести об избрании Михаила Федоровича, и он возвращается в Стокгольм.²⁸

В изменившейся ситуации Густав Адольф попытался присоединить оккупированные его войсками новгородские земли к шведской короне. Он приказал Я. Делагарди и Э. Горну привести новгородцев к

²⁴ Widekind J. Op.cit.s.517-518

²⁵ Замятин Г.А. Очерки по истории шведской интервенции ... оч.2. л.51

²⁶ Следует отметить, что именно в это время шведская церковь предприняла попытку навести мосты между лютеранством и православием, чтобы повлиять на позицию русских представителей в вопросе о вероисповедании принца. Во время переговоров в Выборге митрополиту Киприану был передан русский перевод катехизиса Лютера, который он одобрил и посоветовал перевести на русский язык другую духовную литературу. (Tarkiainen K. Den svenska synen på den grekisk-ortodoxa religionen . . . s.137)

²⁷ Sjöberg A. Hans Flörich och Isak Torcakov, två svenska rusister i början av 1600-talet. // Äldre svensk slavistik. Uppsala, 1984. s.32

²⁸ Widekind J. Op.cit.s.517-518

присяге шведскому королю. Однако новгородцы отказывались от присяги, ссылаясь на то, что они уже присягали Карлу Филиппу. Таким образом, даже после того, как вопрос о кандидатуре принца был снят с повестки дня, новгородцы использовали его имя для борьбы против попыток Густава Адольфа присоединить их земли к шведской короне.

Важную роль в отпоре притязаниям шведского короля сыграла православная церковь. Немало сделал для сохранения православной веры митрополит Исидор. Во время штурма Новгорода в 1611 г. он, стоя на городской стене молитвой поддерживал боевой дух новгородцев. В 1614 г. по его инициативе из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Софийский собор были перенесены мощи князя Федора Ярославовича,²⁹ брата Александра Невского, разбившего шведов в 1240 г. В то время эта акция носила вполне определенный политический смысл. В том же году он обратился с письмом к Густаву Адольфу, в котором писал о бедственном положении новгородской церкви. Исидор способствовал тому, что дьяк Иван Тимофеев, находившийся в это время в Новгороде начал работу над знаменитым "Временником", в котором описал бедствия, постигшие Русское государство в начале 17 века. Когда весной 1614 г. к Новгороду подошла рать князя Д.Трубецкого, он вместе с новгородским воеводой И.Одоевским обратился к московским воеводам и шведским военачальникам с призывом не допустить "кровопролития христианского" и обратить оружие против главного врага - польского короля. В один из апрельских дней 1615 г., когда Э.Горн объявил ему, что Карл Филипп передал свои права на Новгородские земли Густаву Адольфу, митрополит ответил ему: "Что вы издеваетесь, торгуете нами как скотом, а мы - люди." А на предложение Горна написать письмо царю он заявил: "Мы на государе царе бесчестья не ищем, и вы нами не обороняйтесь, пишите сами, что хотите."³⁰

Оценивая деятельность Исидора в Смутное время П.Н.Тихомиров писал: "При всех смутах в Москве он держал себя несколько в стороне и не возвышал своего голоса с такой энергией, с какой вопияли Иов, Гермоген и Иосиф, но запальчивость и несдержанность при разъяренности народа и помрачении умов ни к чему бы доброму не привели."³¹

Официальное толкование Смутного времени с неизменным подчеркиванием всеобщего патриотизма и национализма русского народа оставляло в тени все противоположные моменты, в том числе стремление определенных кругов русского общества получить царя-иноземца. Одним из мифов официальной историографии был миф о всенародном избрании на царство Михаила Романова. Так активный приверженец теории официальной народности, автор верноподданнической "Русской истории" Н.Г.Устрялов писал: "21 февраля 1613 г. единодушный выбор пал на Михаила Романова, благоцветущую отрасль благородного корени. В тот же день вся Москва ему присягнула. За Москвою присягнула вся Россия с тем же единодушием."³² О других кандидатах на московский престол как отечественных, так и иностранных официальная историография старалась не упоминать или объясняла их появление случайным стечением обстоятельств.

²⁹ Как выяснилось впоследствии, это были мощи Дмитрия Шемяки

³⁰ Летопись дипломатических сношений Новгорода со Швецией. 1484-1707 // Архив СПбФИРИ РАН. ф.36, оп.1.№85/450. лл.44-51

³¹ Тихомиров П.Н. Кафедра новгородских святителей. Т. II: 2. Новгород, 1879. с.49-50

³² Устрялов Н.Г. Русская история. Ч.1.СПб., 1855. с.297

История не знает сослагательного наклонения, но это не значит, что она безальтернативна. Само развитие - это выбор альтернативы. Имела свои альтернативы и Смута, одной из них был Карл Филипп. Его кандидатура, как и кандидатура Владислава, появилась не в результате происков внешних врагов. Она возникла в результате борьбы политических группировок в условиях глубокого морально-политического кризиса центральной власти, породившего разочарование и недоверие к многочисленным отечественным искателям российского престола.

"После сведения с престола Василия Шуйского, - отмечал Г.А.Замятин, - в господствующем классе зародилась мысль взять царем иностранного принца. В 1610 г. преобладающее значение получил высший слой феодалов, тяготевший в сторону Польши. В 1611 г. в момент начала борьбы с поляками перевес оказался на стороне среднего слоя, который потянулся к Швеции, тоже феодальному государству, но там сила феодалов в известной мере уже была сломлена королевской властью в союзе с горожанами и крестьянами. Стремление среднего класса оформилось в приговоре от 23 июня 1611 г."³³

В.Б.Кобрин в статье, посвященной Смуте, писал о том, что в начале 17 в. Россия имела несколько возможностей пойти по пути модернизации. Но всякий раз эти шансы упускались, и развитие шло по пессимальному пути. Возникшие на фоне всеобщей усталости силы порядка оказались довольно консервативными, и модернизация страны была отложена почти на целое столетие.³⁴

³³ Замятин Г.А. Очерки по истории шведской интервенции . . . Оч.2. лл. 129-130

³⁴ Кобрин В.Б. Смутное время - утраченные возможности. // История отечества : люди, идеи, решения. Очерки истории России 9-нач.20 вв. М.,1991. с.182-185

Resumé

Tron eller tronen.

Karl Filip och härskarmakten i Moskva

I början av 1600-talet genomgick Ryssland en av de mest dramatiska perioderna under sin historia. Det ryska samhället föreföll att ha förlorat sin politiska organisation och någon ledargestalt tycktes inte stå till buds. Då väcktes och spreds tanken att endast en kungason skulle göra slut på oredan. Men eftersom någon sådan icke stod att finna i Ryssland så började man söka honom i andra länder, även i Sverige. Sålunda blev prins Karl Filip, yngre bror till Gustav II Adolf, en av pretendenterna till tronen i Moskva. Hans kandidatur skulle vara ett medel att motverka den polske kungens dynastiska planer, och idén understöddes av vissa kretsar i Ryssland.

En av dem som aktivt stödde tanken på att skapa en ny härskardynasti i Moskvariket var överbefälhavaren för den svenska armén i Ryssland Jakob De la Gardie. Idén vann emellertid inte gehör i de svenska regeringskretsarna. Det var framför allt kungen själv som inte ville godta den. Från början hade Gustav Adolf tänkt sig att ta moskvatronen i besittning, men sedermera ansåg han det mer realistiskt att i stället förena de svenskockuperade novgorodområdena med sina övriga besittningar i öster. Om Karl Filip valdes till rysk tsar skulle det hindra förverkligandet av kungens planer.

Ett allvarligt hinder när det gällde att realisera tanken på prinsens kandidatur var också hans trosbekännelse. Det ortodoxa ryska riket kunde inte acceptera en icke-ortodox regent. Samtidigt fordrade emellertid det svenska prästerskapet att prinsen skulle behålla sin lutherska tro, vilket det klart och tydligt hävdade under riksdagen 1612.

I enlighet med den kungliga instruktionen skulle de svenska delegaterna orubbligt stå fast vid detta krav under förhandlingarna i Viborg 1613 om valet av Karl Filip till rysk tsar. Med en sådan hållning från svensk sida blev dessa kapitel i historien om den svenske pretendenten till moskvatronen, en numera nästan glömd episod i de rysk-svenska relationernas historia.

"Обратившись на московскую смуту" **Юхан Видекинд - историограф Смутного времени**

Смутное время - тяжелый внутренний кризис, который переживало Русское государство в начале 17 в., имел также и международное значение. Смута привела в Россию не только искателей приключений, но и целые армии, возглавляемые как видными военачальниками, так и монархами соседних стран.

События Смутного времени вызвали пристальный интерес в Европе и породили обширную литературу о России. Ее создателями были профессиональные военные, дипломаты и купцы, жанр сочинений которых ограничивался рамками мемуарной литературы. Наибольшую активность в этом плане проявили шведы, побывавшие в России в начале 17 в. - П.Петрей,¹ М.Ашаней,² М.Шаум.³ Описать русскую Смуту намеревался Ю.Мессениус.⁴ Можно считать, что изучение русской истории в Швеции началось именно со Смуты.

Особое место среди шведских сочинений о Смуте занимает труд шведского историка Ю.Видекинда "История десятилетней шведской войны в России". Юхан Видекинд родился ок. 1618 г. в семье сельского священника. В 1640 г. он стал студентом Упсальского университета, в 1653 г. получил степень магистра в Оксфордском университете, а в 1655 г. был назначен преподавателем риторики в гимназии Стокгольма. Одновременно он стал архивариусом и библиотекарем у канцлера Эрика Оксеншерны, а затем у его брата Юхана. Работа в богатейшем собрании книг, рукописей и документов увлекла Видекинда и направила его на путь исторического исследования. Он задумал написать большую работу об отношениях между Швецией и Польшей в 16-17 вв. Карл X одобрил его замысел и обещал поддержку, но смерть короля внесла коррективы в планы Видекинда.

По протекции своего нового покровителя канцлера Магнуса Габриеля Делагарди в 1665 г. он был назначен королевским историографом. В этом качестве он работал над генеалогическими таблицами членов Рыцарского дома.⁵ В то же время М.Делагарди поручил ему описать военные акции в России своего отца известного шведского полководца Якоба Делагарди, а от Карла XI он получил задание написать историю шведских королей династии Васа.

В начале 1670-х г. было опубликовано первое историческое сочинение Видекинда "История десятилетней шведской войны в России". Оно известно в двух изданиях - шведоязычном⁶ и латиноязычном.⁷ Латинское издание представляет собой сокращенный вариант шведского. Сочинение Видекинда отличается тяжеловесный архаичный стиль и представляет неблагоприятный материал для переводчика. По выражению шведского исследователя С.Бринга, оно

¹ Petrej P. Een wiss och sanfärdigh berättelse ... Stockholm, 1608; Regni Muscovitici Sciographia. Stockholm, 1615

² Stiernman A.A. Bibliotheca Suiogothica. Stockholm, 1731, s. 219

³ Schaumijs M. Tragoedia Demetrio-Moscovitica. Rostock, 1614

⁴ AOSB I:2. Stockholm, 1896, s. 208

⁵ Wadén I. Widekind Johan // Svenska män och kvinnor. Del 8. Stockholm, 1955. s. 342

⁶ Widekind J. Thet Swenska i Ryssland Tijo åhrs Krijgz-Historie...ifrån 1607 intill 1617. Stockholm, 1671

⁷ Widekind J. Historia belli sveco-moscovitici. Holmiae, 1672

Det Swenska i Ryssland
210 åhrs

Krigs = **H**istorie/

Swilket under twänne Sweriges Stor-
mächtige Konungars/

Konung CARLS IX.

och

R. GUSTAF ADOLPHS

den Andres och Stoores Baner/

Storfursten IVAN VASIL-

VITZ SUISCHI och Ryssland

til hjelp/

Först emot the Rebeller och Lithower/ sedan the Pär-
ler/ på sidstonde emot selswe Muskowiterne/ ifrån
Åhr 1607. in til 1617.

af

Feldherren Gref. IACOB DE LA GARDIE

utffördt/ och medh en reputerligh Fredh tillagdt at/ i lijka mån-
ga Böcker fördeelt och sammansattat

af

JOHANNE WIDEKINDI

Histof. Reg.

JACOB WESTINS
BIBLIOTEK

Tryckt i Stockholm hos Niclas Wankijff Kongl.

Booktr. Åhr 1671.

Anders Westin

написано "тяжелым и грубым пером." ⁸ Сам Видекинд был не очень доволен своей работой. В письме к М.Делагарди он отметил, что язык и изобразительные средства его сочинения нуждаются в улучшении и выразил готовность сделать это при новом издании своего труда.

В 1673 г. Видекинд завершил работу над первой частью большого труда по истории правления Густава I Адольфа. В 1675 г. он был арестован по подозрению в связях с антиправительственной оппозицией и провел около двух месяцев в заключении. ⁹ Только после его смерти в 1691 г. его вдове удалось издать это сочинение. Однако, поскольку в нем было много враждебных выпадов против Дании и России, послы этих стран заявили протест шведскому правительству, и почти весь тираж был конфискован. Рукопись второй части "Истории Густава I Адольфа" исчезла. По некоторым сведениям ее вывез из Швеции другой королевский историограф С.Пуфендорф. ¹⁰

По всей вероятности, Видекинд собирался написать историю войны между Швецией и Польшей в середине 17 в, которую он рассматривал как логическое продолжение истории шведской войны в России, подготовившей шведско-польскую войну. ¹¹

"История десятилетней войны" имеет под собой солидную источниковую базу. В распоряжении Видекинда были материалы Государственного архива Швеции и документы Новгородской приказной избы, вывезенные из России Якобом Делагарди. Он пользовался также сочинениями П.Петрея, С.Кобержицкого, А.Мейерберга, А.Гваньини. По всей вероятности, ему были известны сочинения С.Герберштейна, А.Поссевино, Р.Гейденштейна, П.Одеборна, А.Олеария, имевшиеся в шведских библиотеках того времени. ¹² По мнению шведского исследователя К.Таркиайнена, Видекинд встречался с Г.Котошихиным. ¹³ Это представляется вполне вероятным, если учитывать, что Котошихин написал свое сочинение по предложению покровительствовавшего Видекинду графа М.Делагарди вскоре после того, как Видекинд был назначен королевским историографом.

Заявив о том, что его намерение "состоит в готовности излагать совершенную правду, стараться показать ее на основании официальных документов, писем и сообщений участников", ¹⁴ Видекинд обильно цитирует эти источники, а некоторые приводит полностью, вводя их тем самым в научный оборот. Среди них много уникальных, таких, которые затем были утрачены в результате пожара 1697 г. в королевском дворце, где хранился архив.

Считая своей задачей познакомить читателя с причинами шведского вмешательства в русские дела, Видекинд начинает свое сочинение с описания междоусобицы между герцогом Карлом и Сигизмундом III в 1592-1604 гг. Эта борьба закончилась поражением Сигизмунда - он лишился шведской короны, которая перешла к герцогу Карлу,

⁸ Bring S.E. Bibliografiskt handbok till Sveriges historia. Stockholm, 1936. s.184

⁹ Wadén I. Johan Widekinds högförräderi. En episod under maktkampen i Sverige // KFA. 1952.

¹⁰ Biografisk lexikon öfver namnkunniga svenska män. Del 20. Uppsala, 1852. s.242-244; Svenska män och kvinnor. Del 8. Stockholm, 1955. s.342

¹¹ Widekind J. Thet Svenska i Ryssland Tijo åhrs Krijgz-Historie. Stockholm, 1671. s.9

¹² Tarkiainen K. Västeuropeiska Rysslandsskildringar i svenska 1600-tals bibliotek. Studier i Rossica externa // Lychnos. 1969-70

¹³ Tarkiainen K. Se Wanha wainooja. Helsinki, 1986. s.167

¹⁴ Widekind J. Op.cit. Företal

ставшему в 1604 г. шведским королем Карлом IX. "При таких условиях, - пишет Видекинд, - по наущению иезуитов и некоторых шведских изгнанников при польском дворе принимается решение более серьезное по значению и более крупное по замыслу, такое, что если бы оно увенчалось успехом, то открыло бы легкий путь овладения Швецией, а Польше дало бы приращение, мир и спокойствие. Считали, что нужно *поднять смуту в Московском государстве* и раздробить его на части, чтобы затем соединенными силами подавить шведские силы."¹⁵

Так Видекинд формулирует один из основных тезисов своего сочинения - тезис о том, что Смута была следствием интриг иезуитов, а польское вмешательство во внутренние дела России создавало непосредственную угрозу для Швеции. При этом он отождествляет национальные интересы Швеции с династическими интересами Карла IX.

Характеризуя Бориса Годунова, Видекинд отмечает, что он был дерзок, подозрителен, безмерно алчен, высокомерен и жесток, он рубил головы знати, "как головки мака."¹⁶ По всей вероятности, его негативное отношение к Годунову обусловлено прежде всего тем, что тот отказался следовать в русле шведской политики, и в конфликте между Карлом и Сигизмундом не поддержал ни одну из сторон. Его политика в отношении шведско-польского конфликта была направлена на то, чтобы устранить возможность их союза, направленного против России.¹⁷ Характерно, что Видекинд обвиняет Годунова в том, что в споре между Карлом и Сигизмундом он искал прежде всего собственной выгоды, как будто он должен был в первую очередь думать об интересах герцога Карла. Упрекая Годунова в том, что он, полагаясь на собственные силы, пренебрег помощью, которую предлагал ему Карл IX, он ничего не пишет о той цене, которая была назначена за эту помощь - передача пограничных крепостей Швеции.¹⁸

О Лжедмитрии Видекинд пишет, что тот "необдуманно начал царствовать, столь же неосторожно продолжал и, став слишком самоуверенным, навлек на себя несчастье." Тайное его намерение, по словам Видекинды, состояло в том, чтобы "заменить русскую веру католическим обрядом, а также вознаградить польского короля за полученные от него благодеяния новой войной против Швеции, чтобы помочь Сигизмунду в покорении его родины."¹⁹ Видекинд ничего не пишет о том, что Карл IX предлагал Лжедмитрию ратифицировать Тявзинский договор и заключить союз против Польши. Но Лжедмитрий не признал Карла IX законным государем и отказался вести с ним переговоры. Более того, он послал ему письмо с требованием вернуть престол Сигизмунду.²⁰

Гораздо лучше относится Видекинд к Василию Шуйскому, заключившему союз со Швецией. Он пишет, что "скипетр мог принадлежать ему как по праву рождения, так и потому, что не было никого другого, кого по величию духа и недавно заслуженному уважению можно было бы предпочесть ему."²¹

¹⁵ Widekind J. Op.cit. s.8-9,22

¹⁶ Ibid.s.16

¹⁷ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1978. с.139

¹⁸ Форстен Г.В. Политика Швеции в смутное время // ЖМНП. 1889.2. с.329; Almquist H. Sverige och Ryssland 1595-1611.Uppsala,1907.s.106

¹⁹ Widekind J. Op.cit.s.31

²⁰ Пирлинг П. Переписка Карла IX с самозванцами // Исторические статьи и заметки. СПб., 1913.с.168-171

²¹ Widekind J. Op.cit.s.32

Появление Лжедмитрия II, как и первого самозванца, Видекинд объясняет происками поляков. Он считает его авантюру следствием восстания шляхты против короля в 1606-1607 гг. "Обратившись на московскую смуту, - пишет он, - пыл лишенных прежней цели людей явился причиной возникновения там очага злосчастной войны." Действительно, польско-литовская знать проявила повышенный интерес к самозванческой интриге. В ней приняли участие как рокошане, так и королевские наемники, подавлявшие мятеж.²²

Действия Карла IX Видекинд изображает как ответные меры, вызванные действиями поляков. С этих позиций он описывает заключение Выборгского договора 1609 г. Он представляет его так, что заинтересованной стороной и инициатором переговоров предстает В.Шуйский, который, по его словам, первым запросил о шведской помощи.²³ Однако далее он невольно дает объективную оценку событий, когда пишет о том, что "Московское государство раздиралось тремя противниками - шведами, поляками и самозванцем," то есть ставит шведов на одну доску с поляками. Это сравнение усиливает приводимое им письмо Сигизмунда к Я.Делагарди, в котором он сравнивает его действия в России с действиями поляков и приглашает Делагарди к себе на службу, обращаясь к нему как к союзнику, а не врагу.

Излагая ход переговоров, предшествовавших заключению Выборгского договора, Видекинд обращает внимание на одну важную деталь: русские представители на переговорах Семен Головин и Сыдавный Зиновьев имели при себе полномочную грамоту, подписанную не царем, а Скопиным-Шуйским, вследствие чего их полномочия вызвали сомнения у шведской стороны. Таким образом, русские представители получили инструкции не от царя, а от его племянника. Исследователям не известна письменная инструкция В.Шуйского, данная М.Скопину-Шуйскому перед его отъездом на переговоры. По всей вероятности, ему была предоставлена свобода действий. Тогда следует предположить, что инициатива заключения секретного соглашения о Кореле принадлежала М.Скопину-Шуйскому.²⁴ Впоследствии противники Скопина-Шуйского обвинили его в том, что он самовольно уступил Корелу шведам.²⁵ Комментируя приводимый им текст Выборгского договора, Видекинд подчеркивает, что это был союз против поляков и в то же время он означал ратификацию Тявзинского договора, за что так упорно боролась шведская дипломатия на рубеже 16-17 вв.²⁶

Первые две книги сочинения Видекинда являются как бы кратким очерком происхождения Смуты в России, из которого, как он полагает, "читателю легко будет заключить, на чьей стороне было и кому служило шведское оружие при его первом появлении в Московии."²⁷ Характерно, что Видекинд выделяет два этапа в шведском присутствии в России, которые разделяет лето 1610 г. (Клушинская битва). На первом этапе шведы воевали против

²² Maciszewski J. Polska a Moskwa 1603-1618. Warszawa, 1968. s.109-165

²³ Widekind J. Op.cit. s.12

²⁴ Замятин Г.А. Борьба за Корелу между Московским государством и Швецией в конце 16-начале 17 вв. Рукопись.1952. // Архив Карельского научного центра РАН. Ф.1.Оп.41.Д.29.л.64

²⁵ Иконников В.С. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский // Чтения в обществе Нестора Летописца. Киев, 1879. с.130,171

²⁶ См. Рябошапка Ю.Б. Русско-шведские отношения на рубеже 16-17 вв. // Вопросы истории. 1977. №3.

²⁷ Widekind J. Op.cit. s.68-69

польско-литовских и тушинских отрядов и способствовали освобождению от них значительной части русских земель. Второй этап их пребывания в России следует характеризовать уже как интервенцию под флагом помощи.²⁸

Видекинд начинает описание военных акций шведов в России с марта 1609 г., когда Якоб Делагарди, которому было поручено командовать шведским вспомогательным корпусом, выступил из Финляндии в Россию. Стремясь подчеркнуть значение шведской военной помощи, Видекинд противопоставляет их русским ополченцам, которые, по его словам, были безоружны и "более годились для того, чтобы ходить за плугом, а не носить пику."²⁹

При описании боевых действий от наступления на Старую Руссу до освобождения Москвы Видекинд всячески подчеркивает роль шведского войска и обходит молчанием действия русских войск, численность которых по мере продвижения к Москве увеличивалась, в то время, как численность шведского войска сокращалась.³⁰ Видекинд подробно описывает взятие Старой Руссы, но умалчивает о неудачной попытке шведско-русского отряда захватить Псков. Сражение при Торжке, в котором Заборовский разбил передовой русско-шведский отряд под командованием Головина и Горна, он описывает как блестящую победу шведов. Описание битвы под Тверью у него также не совпадает с русскими и польскими источниками. Всю вину за поражение он возлагает на русских ополченцев, а отступление Делагарди к Новгороду он объясняет тем, что он, "опасаясь, как бы солдаты, оставшись без предводителя, не стали грабить все, что попадетс... уступил их желанию и согласился на некоторое время стать во главе отступающих войск." Условием своего возвращения и продолжения наступления на Москву Делагарди считал выплату жалования наемникам и немедленную передачу Корелы шведам. Стремясь вернуть его на поля сражений, Скопин-Шуйский вынужден был заключить с ним новый договор о передаче Корелы с уездом. Однако Видекинд напрасно обвиняет русских представителей Ф.Чулкова и Е.Телепнева, которым было поручено передать Корелу шведам, в саботаже. "Виновниками" были жители Корелы, упорно сопротивлявшиеся сдаче города. В то же время Видекинд умалчивает о том, что по мере продвижения шведских войск вглубь России росли территориальные притязания правящих кругов Швеции. Карл IX предлагал Выборгскому наместнику потребовать от русских властей передачи Ивангорода, Орешка и Колы.³¹

26 сентября Делагарди вернулся в Калязин и оттуда возобновил наступление на Москву. К этому времени количество войск у

²⁸ Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии в начале 17 в. Петрозаводск, 1950.с.49; В "Истории Швеции" (М.,1975) действия шведов в России характеризуются как "контринтервенция" (с.186). Характерно, что в сознании современников перелом в русско-шведских отношениях произошел в 1611 г., когда "побежали немцы в Новгород и в Новгороде заперлись." (См.Стендер-Петерсен А.И. Стихи московского поэта-анонима начала 17 в., сохраненные Ричардом Джемсом //Scando-slavica. III.1957)

²⁹ Widekind J. Op.cit.s.73. Эта характеристика, совпадающая с мнением Э.Горна (Åbo Tidning. 1874 .s.54), отражает как общее состояние деморализации русского общества, так и взгляд воина-профессионала на русских ополченцев.

³⁰ При выступлении из Новгорода у М.Скопина-Шуйского было около 2000 ополченцев, а у Делагарди - около 15000. При вступлении в Москву у Скопина-Шуйского было уже около 18000, а у Делагарди - около 5000 солдат.

³¹ Waaranen J. Samling af urkunder rörande Finlands historia. Bd.2. Helsingfors,1876, № 564

Скопина-Шуйского увеличилось до 18000 человек, так что наемное войско, численность которого сокращалась, не имело того значения, что в 1609 г. Однако снятие осады Москвы Видекинд все-таки считает заслугой шведов и пишет, что у русских "не оставалось уже надежды на спасение от окончательной гибели, если бы не шведские войска."³²

Оценивая ситуацию в стране и расстановку политических сил после освобождения Москвы Видекинд сумел верно оценить тот факт, что внезапная смерть Скопина-Шуйского имела роковые последствия. Он отмечает, что справиться с врагами "великий князь мог бы, казалось, легко с помощью шведов, если бы он с великой неблагодарностью не устранил своего племянника честного и заслуженного князя Михаила Шуйского."³³

Несмотря на освобождение Москвы, польская угроза не была устранена, и правительство В.Шуйского вступило с Делагарди в переговоры о том, как довести войну до желанного конца. На время переговоров Делагарди вывел свои войска из Москвы и расквартировал их в подмосковных селах, поскольку, "живя в столичной праздности и развлекаясь по кабакам и корчмам, воины забыли о воинской дисциплине и стали склоняться к бунту."³⁴ Эти настроения среди наемников послужили одной из причин, заставлявших Делагарди не затягивать переговоры. Поторопиться с выступлением из Москвы его вынуждала также обстановка в столице. После внезапной смерти Скопина-Шуйского по городу распространились слухи о том, что он погиб "из-за коварства Шуйского, и дело не раз доходило до столкновений и насилий", и Делагарди не знал, какой исход примут события. Договорившись с Шуйским о выплате жалования наемникам и передаче Корелы, Делагарди выступил из столицы на соединение с армией Дмитрия Шуйского, стоявшей под Можайском.

При описании Клушинской битвы Видекинд опирается на сочинение польского историка С.Кобержицкого³⁵, который, в свою очередь, строил свое описание сражения на записках гетмана Жолкевского.³⁶ Следует отметить, что русские и польские источники во многих местах существенно расходятся с тем, как изображает события Видекинд. "Новый летописец" всю вину за поражение возлагает на наемников и обвиняет Э.Горна в предательстве. Видекинд упоминает о некоторых изменниках, перебежавших к полякам и разрушивших укрепления шведского лагеря, но в целом вину за поражение он возлагает на русских. Он пишет, что они отказались увеличить численность наемных войск и задержали выплату жалования. Между тем по сообщению Жолкевского, дьяк Разрядного приказа Яков Демидов перед сражением привез деньги для выплаты жалования наемникам. Однако Делагарди отложил ее, зная, что после сражения армия поредеет. Кроме того накануне сражения он отправил в Швецию свой архив, подарки и военную добычу специальным обозом во главе с Меньшиком Борановым. В связи с этим среди наемников стали распространяться слухи о том, что вместе со своим скарбом Делагарди отправил в Швецию и войсковую казну. Это была искра, которая во время сражения дала вспышку мятежу.³⁷

³² Widekind J. Op.cit.s.159

³³ Ibid.s.170-171

³⁴ Ibid.s.169-170

³⁵ Kobierzicki St. Historia Vladislai Poloniae et Sueciae Principis. Dantisci, 1655

³⁶ Жолкевский С. Записки о Московской войне. СПб.. 1871

³⁷ Almquist H.Op.cit.,s.195; Grill E.Jacob de la Gardie.Affärsman och politiker.Göteborg, 1949, s.20-22

После Клушина, как пишет Видекинд, соотношение сил стало складываться не в пользу В.Шуйского: "Обстоятельства тогда заставляли предполагать, что Польша будет играть главенствующую роль в России, поэтому *надо было, не упуская времени, искать дележа с поляками.*"³⁸ То есть изменение внутривосточной ситуации в России представляется Видекинду вполне достаточной причиной для того, чтобы начать раздел территории своего союзника со своим противником.

После свержения В.Шуйского и провозглашения Владислава русским царем важнейшей задачей Делагарди становится создание барьера для предотвращения продвижения поляков к Финскому заливу через Новгород.³⁹ Он обратился с письмом к московским и новгородским властям, в котором предостерег их от этого опрометчивого шага и посоветовал избрать царем одного из сыновей шведского короля. Это сообщено Видекинду интересно тем, что оно проливает свет на генезис шведской кандидатуры на московский престол.⁴⁰ До недавнего времени в русской исторической литературе господствовало мнение, что мысль о приглашении шведского принца на русский престол зародилась у руководства Первого ополчения весной 1611 г. Шведский историк Х.Альмквист отметил, что эта мысль "возникла не в блестящий период побед шведского оружия, а в безнадежной ситуации, как последнее средство для противодействия династическим планам польского короля."⁴¹

С точки зрения Делагарди, этой ситуацией следовало воспользоваться прежде всего для расширения шведских владений. В своем письме к Карлу IX, пересказанному Видекиндом, он просит извинить его за то, что выдвигая кандидатуру шведского принца на московский престол, он не дождался распоряжений короля, так как "*речь шла о расширении границ государства.*"

Следует отметить, что Карл IX также пытался повлиять на ход событий, но в отличие от Делагарди, он никогда не выдвигал никого из своих сыновей кандидатом на московский престол. Его интересовали прежде всего территориальные приобретения, которые он, однако, не связывал с династическими планами Делагарди. К концу 1610 г. главным объектом его внимания становится Новгород, и 28 декабря он приказывает Делагарди "оставить упорную кексгольмскую осаду и взяться за Новгород."⁴²

К тому времени, когда Делагарди получил этот приказ, Корела пала, и он двинулся к Новгороду. Чтобы выяснить намерения новгородцев, он отправил в город полковника С.Коброна. Видекинд пишет, что новгородцы согласились выплатить жалование наемникам и обещали соблюдать все заключенные со шведами договоры, но просили Делагарди уйти из их земель. Эти свидетельства Видекинды чрезвычайно важны, так как переговоры Новгорода со шведами весной и летом 1611 г. практически не получили отражения в русских источниках. Они позволяют утверждать, что черновик договора новгородцев с Делагарди, обнаруженный в бумагах Новгородского

³⁸ Widekind J. Op.cit. 218

³⁹ Sveriges krig. 1611-1632. Band I. Danska och ryska krigen. Stockholm, 1936. s. 344

⁴⁰ Замятин Г.А. Из истории борьбы Швеции и Польши за московский престол в начале 17 столетия. Рукопись. Юрьев, 1918 // Архив СПбФИРИ РАН. Ф.276. Оп.2. №90. лл.6-7

⁴¹ Almquist H. Op.cit., s.199

⁴² Widekind J. Op.cit. s.274

Софийского собора, ⁴³ представляет собой часть проекта договора, относящегося к апрельским переговорам, а не черновик июльского договора, как считали его публикаторы, а вслед за ними и некоторые исследователи.⁴⁴ Из этого явствует, что новгородцы были согласны лишь на союз против Польши, при котором шведские войска действовали бы за пределами их земель. Эта позиция получила окончательное выражение в проекте договора, и новгородцы придерживались ее вплоть до захвата Новгорода шведами.

6 июня начались переговоры Деллагарди с представителем ополчения Василием Бутурлиным. Видекинд пишет, что главной целью Бутурлина было добиться того, чтобы "Деллагарди со всем своим войском, или хотя бы его частью двинулся к Москве." При этом Бутурлин не скупился на обещания: он обещал уплатить жалование наемникам, передать шведам одну из пограничных крепостей и пригласить одного из сыновей шведского короля на великое княжение в Москву, ибо русские "уже со смерти Ивана Васильевича убедились, что Россия не знала удачи со своими природными государями, так как никто из вельмож не согласится признать другого достойным этого сана."⁴⁵ Деллагарди обещал сообщить об этом предложении королю, а пока в качестве залога потребовал передачи ему Орешка и Ладоги. Новгородцы сразу отвергли территориальные притязания шведов и заявили, что они скорее умрут, чем уступят свои земли.

В переговорах со шведами Бутурлин не смог найти общей линии с новгородскими властями и стал проводить их на свой страх и риск. Его переговоры со шведами в изложении Видекинда представляют одну из самых неясных страниц в его биографии. Видекинд пишет, что Бутурлин познакомился с Деллагарди весной 1610 г. и уже тогда он якобы пообещал Деллагарди помощь в овладении Новгородом. Теперь же он дал ему совет отойти от Новгорода, сделав вид, что он со всем войском выступил к Москве. Тогда Бутурлин отправит новгородских ополченцев вслед за ним и, дождавшись удобного момента, сдаст Новгород шведам. План этот представляется весьма сомнительным, не случайно он не был принят Деллагарди.

Не в пользу Бутурлина свидетельствуют и русские источники. "Новый летописец" сообщает о его подозрительных переговорах со шведами⁴⁶, а Новгородская третья летопись прямо обвиняет его в том, что "по его злому совету и умыслению взят бысть град и Софийская сторона разрушена."⁴⁷ Не лучшим образом вел себя Бутурлин и во время штурма Новгорода шведами. Оказав им непродолжительное сопротивление, он с отрядом казаков и стрельцов ушел на Торговую сторону, разграбив при отступлении купеческие лавки и дворы. Следует отметить, что эти действия были не просто грабежом. Во всяком случае Видекинд сообщает, что, захватив с собой деньги и товары, Бутурлин усугубил те трудности, с которыми столкнулись шведы в захваченном ими Новгороде.⁴⁸ В действиях Бутурлина не все ясно, и все-таки нельзя согласиться с

⁴³ ААЭ. 2. №187

⁴⁴ Впервые на это обратил внимание Х.Альмквист (H. Almqvist. Op. cit., s. 272)

⁴⁵ Widekind J. Op. cit. s. 298

⁴⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 14, ч. 1. с. 113

⁴⁷ Новгородские летописи. СПб., 1879. с. 354

⁴⁸ Н.П. Лыжин объясняет этот эпизод так: "Бутурлин, видя, что Новгород, отстоять невозможно, вывел войско из города, лишив предварительно шведов добычи и заслужив своими действиями одобрение Ляпунова." (Лыжин Н.П. Столбовский договор и переговоры ему предшествовавшие. СПб., 1857. с. 4)

В.Фигаровским, обвинившим его в прямой измене.⁴⁹ Дальнейшее поведение Бутурлина не позволяет подозревать его в пособничестве шведам.⁵⁰

Описание взятия Новгорода войсками Делагарди является как бы кульминационным пунктом сочинения Видекинда. Оно полно патетики и драматизма. Этому же событию посвящена единственная (если не считать портрета Карла XI) иллюстрация, изображающая осаду Новгорода шведскими войсками.⁵¹ После описания штурма Видекинд помещает полный текст договора, заключенного Делагарди с новгородскими властями в июле 1611 г. Перевод текста договора, опубликованного в латиноязычном издании, был напечатан во втором томе СГГД. Он несколько отличается от текста договора, опубликованного в шведоязычном издании и имеет ряд разночтений с текстом, напечатанном в сборнике Новгородского общества любителей древности.⁵²

Характерно, что Видекинд отмечает, что "московские вельможи больше по необходимости и применяясь к обстоятельствам, собирались избрать великим князем одного из сыновей шведского короля." Текст приговора Первого ополчения от 23 июня 1611 г. о возможности избрания одного из сыновей Карла IX на московский престол, который упоминается в преамбуле договора, Видекинд приводит полностью.⁵³ Это очень важно, ибо в русских архивах он не сохранился, а сам факт его существования подвергался сомнению некоторыми исследователями.

Характеризуя административную деятельность Делагарди, Видекинд пишет, что он "взял на себя верховное управление над городом и областью, назначил гражданских и военных чиновников, дал поместья заслуженным людям, как из иностранцев, так и из местных, старался привлечь к себе расположение народа соблюдением старых законов и обычаев, а бунтовщиков и непокорных подчинить силой."⁵⁴ В целом, такая характеристика его деятельности соответствует действительности.

Делагарди понимал, что удержать в своих руках русские земли гораздо труднее, чем завоевать их. Он стремился расположить к себе местное население. Поэтому управление оккупированными территориями осуществлялось на основании русских законов и, как правило, русскими воеводами, дьяками и старостами. Но почти все они дублировались шведскими гражданскими и военными чиновниками. Налоги, взимаемые на содержание шведских войск, поначалу были сравнительно невелики. Фискальная практика шведской администрации опиралась на русские традиции, налоги взимались по старым писцовым книгам. Для того, чтобы привлечь на свою сторону

⁴⁹ Фигаровский В.А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // Новгородский исторический сборник. Вып.3-4.Новгород,1938.с.63

⁵⁰ См. :Седов П.В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // Новгородский исторический сборник. Вып.4(14). СПб-Новгород,1993.с.125-126

⁵¹ Tarkiajnen K. Se Wanha wajnooja.s.189

⁵² В латиноязычном издании договор ошибочно датирован 11 июля. Эта ошибка перешла затем в русские публикации текста договора.О том,что он был подписан 25 июля, свидетельствует не только его шведский текст, но и тот факт, что в Государственном архиве Швеции ранее хранился оригинальный текст договора, датированный в регистре Рюннеля-Пальмшельда 25 июля. Такая датировка принята в современной шведской историографии и некоторыми российскими исследователями. (См. :Коваленко Г.М. Договор между Новгородом и Швецией 1611 г // Вопросы истории. 1988. №11. с.131-134)

⁵³ Widekind J. Op.cit.s.361-365

⁵⁴ Ibid.,s.374 Tarkiainen

дворянство и новгородскую верхушку, шведы широко использовали раздачу земель⁵⁵

Видекинд довольно подробно освещает переговоры новгородцев с Густавом II Адольфом, к которому перешел шведский престол после смерти Карла IX, и Вторым ополчением в 1612 г. Новгородское посольство во главе с архимандритом Никандром выехало из Новгорода в Швецию в январе 1612 г. Делагарди скрыл от послов смерть Карла IX и объявил о ней новгородцам только тогда, когда посольство прибыло в Швецию. Поэтому они должны были послать в Стокгольм новые формулы полномочий и письмо новому королю. Видекинд излагает содержание этого письма, не сохранившегося в русских архивах и дополнившего приговор посольству от 25.12.1611. Вскоре новгородцы получили ответ короля на письмо отправленное еще Карлу IX в августе 1611г. Это письмо, приводимое Видекиндром, свидетельствует о том, что король не одобрил перспективу избрания Карла Филиппа великим князем. Видекинд пишет, что причины этого крылись либо в душе короля, либо во взглядах сановников, но исследование этого вопроса не входит в его задачи.

Одна из причин того, что Густав II Адольф без энтузиазма отнесся к династическим планам Делагарди, заключалась в том, что он понимал, что новгородцы призвали шведского принца "скорее по принуждению, чем по доброй воле", что различие в вере служило серьезным препятствием к проведению в жизнь планов Делагарди. В то время король был сторонником унии, а не союза между двумя государствами и надеялся, что в недалеком будущем скипетр великого князя перейдет к нему.⁵⁶ Поэтому он предписал Делагарди "до тех пор, пока неясен исход переговоров об условиях избрания Карла Филиппа, направлять свои усилия на то, чтобы где силой оружия, где добровольно, занять остальные окраинные территории", особенно Псков. Видекинд пишет, что Делагарди осудил такие действия короля, ибо они внушили русским подозрения, что он добивается того, чтобы подчинить всю Россию или ее часть шведской короне.

Новгородцы поняли замысел короля и просили его отпустить Карла Филиппа в Россию. Они, в частности, писали ему: "Мы без труда представляем себе, как обширны заботы, которые легли на твое величество вместе со шведской короной. Их величина такова, что *одному человеку оказывается не по силам управлять двумя государствами и прежде всего умиротворить множество смут, до сих пор потрясавших Московию. Русское государство по своей обширности не может существовать без своего государя.* Поэтому пусть твое величество вспомнит обо всех благодеяниях, оказанных москвитянам твоим покойным родителем и, отпустив светлейшего брата на великое княжение, завершит для нас ряд благодеяний и увенчает начатое славным концом."⁵⁷ Видекинд называет это письмо полным смирения, не замечая его истинного смысла, заключавшегося в том, что в нем новгородцы впервые дали отпор притязаниям Густава Адольфа на московский престол.

Видекинд довольно подробно описывает переговоры между Вторым ополчением и Новгородом весной и летом 1612 г. Инициатором

⁵⁵ Фигаровский В.А. Указ. соч. с.65; Тимошенкова З.А. Новгородские крестьяне в период шведской интервенции начала 17 в // Социально-политическая история СССР. М-Л., 1974. Ч.2. с.4

⁵⁶ Södergran G. Om Gustaf II Adolfs plan att blifva rysk czar: Lund-Wexiö, 1868. s.9-11

⁵⁷ Widekind J. Op.cit. s.418-419

переговоров выступило руководство ополчения, пытавшееся избежать войны на два фронта. 16 апреля оно через С.Татищева обратилось с письмом к новгородцам. Этот документ, положивший начало переговорам, не сохранился, его содержание передает Видекинд. Из него явствует, что в ополчении знали об июльском договоре, но плохо представляли его содержание. Поэтому руководители ополчения просили послать к ним гонцов с "полным осведомлением" о содержании договора.

Документы, приводимые Видекиндром, позволяют решить вопрос о том, от чьего имени велись переговоры: руководства ополчения или собора (совета всей земли). Видекинд пишет, что "они (ярославцы-Г.К) разослали гонцов по всем городам и крепостям, прося прислать свои решения и прийти с ними к соглашению о том, кого избрать великим князем." Делагарди сообщил королю, что Д.Пожарский послал к нему своих представителей от имени Московского и Казанского княжеств. Значит С.Татищев был послан в Новгород, как представитель собора.⁵⁸ По всей вероятности, руководство ополчения хотело заключить со шведами такой же договор, какой ранее был заключен с поляками: "принять одного из сыновей покойного короля на таких же условиях, как год назад было договорено и подписано под Москвой."⁵⁹

Видекинд пишет о том, что пока велись переговоры, военные действия не прекращались. Описывая их, он делает весьма характерное признание, раскрывающее истинные цели шведской политики в России: "Все как будто выходило по желанию шведов: казалось, что скоро либо вся Московия покорится шведскому принцу, либо окраинные области будут присоединены к Шведскому королевству."

Окончание войны с Данией позволило Густаву Адольфу активизировать свою восточную политику. Он согласился отпустить Карла Филиппа в Выборг, но почти одновременно послал Делагарди письмо с выражением недовольства по поводу того, что тот поторопился уверить новгородцев в полном согласии Карла Филиппа стать их правителем, и предписал ему "туже натягивать поводья", чтобы добиться от них выгодных условий.⁶⁰

Касаясь причин, задержавших отъезд принца в Россию, Видекинд пишет, что сведений об этом "в архивах разыскать не удалось. Кажется, что главным препятствием к отправлению герцога была материнская любовь королевы к младшему сыну." Он считает, что именно задержка с прибытием Карла Филиппа в Россию стала главной причиной того, что династические планы Делагарди не были реализованы. "Судьба пообещала славу шведскому королевскому дому, - пишет он - но получить ее не дала. Причину этого следует искать в медлительности." Поэтому он довольно подробно анализирует причины задержки с отъездом принца. Он считает это крупным политическим просчетом и пытается возложить вину не на короля, а на вдовствующую королеву Кристину. Он пишет, что именно она была против того, чтобы Карл Филипп поселился "среди народа, который

⁵⁸ Этот вывод подтверждается и русскими источниками. См. Замятин Г.А. "Новый летописец" о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 г.// ЖМНП. 1914. Март .с.65; Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в 16-17 вв. М.,1978.с.182

⁵⁹ Подробности переговоров изложены у Г.А.Замятина (К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол. Юрьев,1913) и П.Г.Любомирова (Очерки истории Нижегородского ополчения.М.,1939)

⁶⁰ Форстен Г.В. Балтийский вопрос. в 16 и 17 ст.Т.2. СПб.,1894 с.120-121; Лыжин Н.И. Указ.соч.с.88

тогда считался языческим по вере, а у нас признавался грубым и варварским по обычаям и нравам. Король, однако имел правильное представление о вере русского народа, он знал, что русские такие же добрые христиане, как и католики (påweske), а по силе и богатству не уступают крупнейшим королевствам Европы."⁶¹ Между тем никто иной, как Густав Адольф в письмах к Я.Делагарди и Э.Горну писал, что хорошо зная русских и их фальшивую натуру, он не ждет ничего хорошего с их стороны.⁶²

Главная причина крушения шведских планов заключалась в эволюции политического сознания русских людей.⁶³ После освобождения Москвы от поляков укрепилось мнение, что ликвидировать смуту можно собственными силами без иностранного вмешательства. Видекинд вскользь пишет об этом: "*Положение дел под Москвой стало меняться, и люди, до сих пор проявлявшие верность шведам, после изгнания поляков стали склоняться к другим планам.*"⁶⁴

Узнав о том, что прибытие принца откладывается и убедившись в том, что у Карла Филиппа остается все меньше сторонников, Делагарди выдвинул план захвата Холмогор, что, по его мнению, должно было обеспечить Швеции господство на Русском севере и передать в руки шведов всю северную торговлю России.⁶⁵ В то время Густав Адольф не имел возможности расширить военные действия в России за счет регулярных войск, поэтому он отклонил предложение Делагарди. В этой связи Видекинд сожалеет о том, что король поручил выполнение этого задания наемникам Барышпольца, которые не оправдали возлагаемых на них надежд.⁶⁶

Видекинд подробно освещает переговоры в Выборге между новгородскими представителями и шведами об избрании Карла Филиппа великим князем, начавшиеся в конце августа 1613 г. Он пытается показать, что они проходили в обстановке взаимопонимания, и лишь досадное недоразумение привело к их срыву. Однако приводимые им факты свидетельствуют о том, что срыв переговоров не был случайным. Шведы требовали, чтобы решение об избрании Карла Филиппа было принято от имени всего Русского государства, а новгородские послы были уполномочены вести переговоры только от имени Новгородского государства. Когда шведы попытались заставить послов присягнуть Карлу Филиппу и дать письменное обязательство не отступать от договора, заключенного с Делагарди, новгородский гость Степан Иголкин заявил, что новгородцы не подчинятся шведам, как не подчинились полякам, до тех пор, пока в живых останется хотя бы один ребенок. Видекинд называет речь С.Иголкина неуместной.⁶⁷ Однако вряд ли она была таковой, если вспомнить, что Густав Адольф предписал шведским представителям

⁶¹ Widekind J.Op.cit.s.474

⁶² Лыжин Н.П. Указ.соч.с.89; Tarkiainen K. De ryska "nationalegenskaperna" enligt svensk uppfattning i början av 1600-talet// SSLF. 456. Helsingfors,1973.s.41-42

⁶³ Замятин Г.А. Из истории борьбы Польши и Швеции за московский престол... л.93;

Любомиров П.Г. Указ.соч.с.214-215

⁶⁴ Widekind J.Op.cit.s.

⁶⁵ Ibid.s.494-495

⁶⁶ См.: Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в 16-19 вв. Архангельск, 1975. с.54; Орлов Н. Смутное время и русский север // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера.1913. №4.с. 174-175

⁶⁷ Widekind J.Op.cit.s.517-519

на Выборгских переговорах в том случае, если русская сторона на переговорах будет представлена только новгородцами, добиваться присоединения Новгородских земель к Швеции на условиях унии.⁶⁸

Шведам удалось добиться от новгородцев лишь подтверждения присяги Карлу Филиппу. "Таков был исход договора, о котором так долго совещались." - пишет Видекинд. В этой ситуации Густав Адольф попытался извлечь выгоды из военных успехов Делагарди, присоединив оккупированные им Новгородские земли к шведской короне.⁶⁹ В действие вступила дополнительная инструкция, содержание которой Видекинд изложил следующим образом: "Если Выборгский договор останется бесплодным, то следует стянуть в Новгородское княжество все войска и постараться *обратить его в провинцию его королевского величества*, но сначала и прежде всего попытаться достигнуть этого путем договора."⁷⁰

В Новгород был послан Э.Горн. Ему было поручено привести новгородцев к присяге шведской короне. Ознакомившись с положением дел, он пришел к выводу, что "прийти к соглашению с новгородцами невозможно." Об этом он сообщил своему брату Густаву в письме, текст которого приводит Видекинд. Тем не менее, он не осмелился нарушить приказ короля и попытался привести новгородцев к присяге. Однако все его попытки неизменно кончались неудачей, и в конце 1614 он вынужден был сообщить королю: "С тех пор, как я прибыл в Новгород, я в высшей степени стараюсь уговорить важнейших новгородцев на то, что желает от них Ваше Королевское Величество, но почти никто на это не склоняется, напротив, владычество их собственных земляков так сильно им по душе, что все они сговорились лучше лишиться жизни, чем отделиться от Московского государства."⁷¹

Примерно с середины сочинение Видекинда превращается в описание дипломатических переговоров. Его содержанием становится реферирование документов и дипломатической переписки, описание незначительных военных передвижений. Порой кажется, что автор устал от своей работы и спешит поскорее добраться до конца.⁷² Описание переговоров, предшествовавших заключению Столбовского мира, Видекинд начинает с изложения содержания прений по внешнеполитическим вопросам на риксдаге в Эребру в январе 1614 г. Эти дебаты свидетельствовали о том, что война в России не пользовалась поддержкой населения Швеции. Широкие круги шведского общества стремились к прекращению военных действий. "*В простом народе - пишет Видекинд, - зародилось смущение или смутное подозрение, что Его Королевское Величество стремится захватить чужие земли, чтобы расширить свои владения.*"⁷³ Даже вдовствующая королева считала, что требование об уступке территорий, сформулированные королем в инструкции послам, чрезмерны. Король выступил с большой речью на закрытии риксдага. В ней он изложил официальную версию шведского вмешательства в русские дела и заявил о желании заключить "почетный для обеих сторон, верный и надежный мир." Видекинд пытается изобразить

⁶⁸ Действия Нижегородской губернской ученой археографической комиссии. Т.14. Н.Новгород.1913. Приложения.с.1-16; Форстен Г.В. Балтийский вопрос. 2. с.122-123

⁶⁹ Tham W. Den svenska utrikespolitikens historia.Del I:2. Stockholm, 1960.s.109

⁷⁰ Widekind J. Op.cit.s.

⁷¹ Сб. Новгородского общества любителей древности. Вып.5. Новгород, 1911. с.38

⁷² Tarkiainen K. Se Vanha vainooja.s.190,193

⁷³ Widekind J. Op.cit.s.565-576

Густава Адольфа миротворцем, ратовавшим за скорейшее заключение мира и готовым удовольствоваться возмещением убытков, которые понесла шведская сторона в России. Он возлагает вину за задержку переговоров на русских, которые, по его словам, "не предложили Его Величеству ни дружбы, ни вражды."

Между тем летом 1613 г. Михаил Федорович, известив правительства Англии, Дании и Нидерландов о своем вступлении на престол, просил их помощи и содействия в урегулировании отношений со Швецией и Польшей. Летом 1614 г. в Москву прибыл английский посредник Джон Мерик, а в Новгород – нидерландское посольство Бредероде и Бааса. Видекинд пишет, что Густава Адольфа не устраивала кандидатура Д.Мерика, который прежде долго жил в России и имел там много деловых контактов, вследствие чего можно было полагать, что он будет держать сторону русских. Больше надежд он возлагал на голландских посредников.

Королевская инструкция, данная Э.Горну, свидетельствует о том, что, по замыслу короля, козырной картой на переговорах должен был стать Новгород. Поэтому вместе со шведскими дипломатами на переговоры должны были поехать новгородские представители. "В этом (1614 г.-Г.К.) переговоры так и не начались. – пишет Видекинд. – Они начались лишь в следующем году под знаком *Marte cum Clupeo* (Марса со щитом). Исходным пунктом переговоров стало новгородское посольство во главе с митрополитом Киприаном, отправленное в Москву с согласия шведского командования.⁷⁴ Посольство было успешным. Царь простил вину новгородцев и обещал начать переговоры со шведами. Начало переговоров было назначено на 10 августа, а 20 августа шведские войска под командованием Густава Адольфа начали осаду Пскова. Видекинд пишет, что этим король хотел "принудить неприятеля к миру." Только в декабре было выработано соглашение о титулах и гарантиях безопасности послов. 14 декабря послы прибыли в Глебово, и 4 января 1616 г. начались переговоры. Перед началом переговоров шведская сторона представила английским и голландским представителям пространный документ, в котором была изложена шведская версия возникновения конфликта между Швецией и Россией. Видекинд подробно излагает содержание этого документа.⁷⁵

В ходе переговоров шведской стороной были выдвинуты такие требования, которые казались чрезмерными даже некоторым членам шведской делегации. Г.Горн писал королю: "Этим русских доведешь до крайности, и они ради целостности своей территории согласятся войти в соглашение с Польшей и действовать заодно против Швеции."⁷⁶ Г.Горн, Я.Делагарди и другие предупреждали короля, что надеяться на уступку русскими Новгорода, Порхова и Старой Руссы не следует. В феврале было заключено четырехмесячное перемирие, и переговоры прервались.⁷⁷

В январе 1616 г. в Гельсингфорсе открылся риксдаг, обсудивший вопросы войны и мира. Его сессия проходила в Финляндии, которая

⁷⁴ См. Фигаровский В.А. О грамоте новгородского правительштва в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 2. Новгород, 1937

⁷⁵ Widekind J. Op.cit.s.676-684

⁷⁶ Форстен Г.В. Балтийский вопрос.. II.c.141-142

⁷⁷ Документы об этих переговорах в значительной части опубликованы на русском языке: Сборник НОЛД. Вып.5, №26-30; Сб.РНО.Т.24; Лыжин Н.П. Указ.соч. Приложения; Якубов К. Россия и Швеция в первой половине 17 в. М.,1897; Журнал нидерландского посольства // Вестник Европы.1868. Довольно подробно их описали Н.П.Лыжин и С.М.Соловьев.

сильнее, чем другие части королевства ощутила на себе тяготы войны. Поэтому король столкнулся здесь с более мощной оппозицией по сравнению с риксдагом в Эребру. Видекинд вынужден был признать, что широкие круги населения Финляндии и Швеции, понимая характер и цели этой войны, были настроены против нее: "Многие из представителей сословий, утомленные как описываемой, так и только что окончившейся датской войной, стали высказывать ненадлежащие мысли вроде того, что *русская война ведется более из жадности к чужой земле, чем по необходимости.*" ⁷⁸

Для того, чтобы добиться согласия риксдага на сбор дополнительного налога, король обратился к депутатам с большой речью, в которой изложил причины возникновения войны и ее ход. Главным виновником войны он представил Сигизмунда III. "Хорошо известно, - сказал Густав Адольф, - что король польский ничего не мог добиться войной, которую он вел против Швеции. Тогда он вместе с папскими легатами выдумал другой способ, с помощью которого надеялся сделать два удара одним молотом. Им представился случай при помощи ими же изобретенной лжи ввергнуть Россию в гражданскую войну и посадить на престол во всем послушного им человека или вообще покорить страну." ⁷⁹

Далее Видекинд пишет о том, как вопрос о мире с Россией обсуждался на заседании государственного совета. Решено было потребовать у русских Корелу, Ивангород, Орешек, Ям и Копорье, чтобы отрезать Россию от Балтийского побережья, ибо "в противном случае они (русские-Г.К.) научатся ценить свою силу, удобства морских путей и преимущества обладания морским побережьем."

В переговорах через посредников прошли лето и осень 1616 г. Только в декабре начались прямые переговоры в Столбово. Видекинд пишет, что наибольшие трудности вызвали вопросы о сроках возвращения захваченных шведами городов (Новгорода, Старой Руссы, Ладоги и Гдова), о способе и формуле утверждения договора и о титулах короля и великого князя. Он сообщает, что выработанный обеими сторонами текст договора не во всем совпадал с текстом, утвержденным королем, который он приводит полностью.

Завершает сочинение Видекинда детальное описание шведского и русского посольств, утвердивших Столбовский договор, и межевых съездов, открывшихся в октябре 1617 г. и затянувшихся до 1621 г.

Своего рода приложением к сочинению Видекинда является "Родословная" Рюриковичей и Романовых, составленная им с целью доказать отсутствие наследственных прав Романовых на территории и титулы, принадлежавшие Рюриковичам, или Васильевым, как он их называет. Он писал свое сочинение в годы правления Алексея Михайловича, которые были ознаменованы русско - шведской войной 1656-1658 гг., в связи с чем Алексей Михайлович требовал себе титул государя "Восточного, Северного и Западного", что не могло не беспокоить шведского короля.

Главная цель сочинения Видекинда состояла в том, чтобы оправдать войну шведов в России, представить ее как справедливую или хотя бы вынужденную, как ответ на несправедливые действия поляков и русских. Основной его метод - отбор и комментированное изложение документов, укладываемых в рамки этой концепции. Однако иногда он сообщает факты, вскрывающие истинную суть восточной политики Швеции.

⁷⁸ widekind J.Op.cit.s.727

⁷⁹ Ibid.s.732

Видекинд стремится доказать, что утверждение на московском престоле польского королевича Владислава было бы величайшим несчастьем для России. При этом у читателя невольно возникает аналогия с Карлом Филиппом, тем более, что сам Видекинд пишет в связи с переговорами в Выборге: "Таким образом можно было бы вызвать раскол среди русских, а его Королевское Величество, прикрываясь именем принца, мог бы заявить претензии на часть России."

Идеологическая направленность сочинения Видекиннда определялась прежде всего тем, что шведская историография 17 в. выполняла роль рупора правительственной пропаганды. Она формировала общественное мнение в стране и в то же время сама зависела от него. В 17 в. шведское правительство использовало издание исторических сочинений для политической агитации за рубежом. Изданное в 1608 г. сочинение П.Петрея, объяснявшее шведское вмешательство во внутренние дела России было в том же году переиздано на немецком языке.⁸⁰ Дважды, когда возникала угроза польско-датского союза против Швеции переиздавалась брошюра, предостерегавшая датское общественное мнение от союза с Польшей.⁸¹

Поскольку в основе шведских представлений о России лежало мнение о том, что основой ее внешнеполитического курса является территориальная экспансия, то в шведской внешнеполитической доктрине важную роль играл тезис о том, что Швеции нужен форпост или буферная зона на Востоке. Причем представление об этой зоне менялось в зависимости от конкретной ситуации. После 1609 г. такой зоной считались Новгородские земли. В 1611-1613 гг. перспектива утверждения шведского кандидата на русском троне позволяла правящим кругам Швеции рассматривать уже все Русское государство как барьер против Польши.⁸² В 1613-1616 гг. шведы вновь попытались присоединить Новгородские земли, но убедившись в бесплодности этих попыток, вынуждены были удовольствоваться Корельским уездом и Ижорской землей.

Все вышесказанное следует иметь в виду при характеристике идеологической направленности сочинения Видекиннда. В то же время оно было написано уже в иной внешнеполитической обстановке, когда события начала века уже стали историей. К тому времени Швеция удовлетворила свои территориальные притязания на Востоке и утвердила свое могущество на Балтике. Ее внешняя политика была направлена прежде всего на то, чтобы удержать периферийные территории и по возможности избежать военных конфликтов.⁸³ В этих условиях шведские правящие круги в отношениях с Россией стремились к сохранению status-quo на основе Кардисского мира. Как отметил К.Таркиайнен, труд Видекиннда увидел свет в период расцвета шведского великодержавья и "на какое-то время оживил воспоминания о победоносной войне, не потрясая и не будя, а скорее баюкая тщеславие читателя."⁸⁴

Русские ученые давно обратили внимание на труд Видекиннда. В 1725 г. его вместе с сочинением Петрея приобрел в Швеции

⁸⁰ Petrej P. Gewisser und warhafter Bericht ... Halle, 1608

⁸¹ Palme S.U. Sverige och Danmark. Uppsala, 1942. s. 639-644

⁸² Tarkiainen K. "Vår Gamble Arffiende Ryssen" .s. 24

⁸³ Возгрин В.Е. Россия и Европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. с. 32

⁸⁴ Tarkiainen K. Se Vanha vainooja. s. 193-194

В.Н.Татищев.⁸⁵ Известно, что один экземпляр его был среди книг библиотеки Петра I.⁸⁶ Н.М.Карамзин использовал его при работе над "Историей государства Российского", а С.М. Соловьев при написании "Истории России с древнейших времен". Более широко труд Видекинда был использован Д.П.Бутурлиным, Н.И.Костомаровым, Г.В.Форстенем, Г.А.Замятиним. В конце 1930-х годов перевод сочинения Видекинда на русский язык был подготовлен в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР (ныне Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории Российской академии наук).⁸⁷ Осуществлению издания помешала война.

⁸⁵ Пекарский П. Новые известия о В.Н. Татищеве // Записки Императорской Академии наук.1864.Т.4. Примечания. N4. с.27; Küttner J. V.M.Tatiscevs mission i Sverige 1724-1726 // Lychnos.1990.s.147,158

⁸⁶ Боброва Е.И. Библиотека Петра I. Каталог. Л.,1978. №1639

⁸⁷ Архив СПбФИРИ РАН.Ф.276.Оп.2.№40. Перевод с латыни и шведского языка С.А.Аннинского и А.М.Александрова

Resumé

"Att vända sig till oredan i Moskovien".

Johan Widekind, Stora oredans historiker

Det ryska riket genomgick i början av 1600-talet en djup kris. Denna gav återklang utomlands och det uppstod en europeisk litteratur om den ryska oredan. Inte minst var det några svenskar som bidrog till litteraturen efter att ha besökt Ryssland vid denna tid. Bland dem finner vi Petrus Petrejus, Martinas Aschaneus och Matthias Schaum. Intresset för den ryska oredan gav impulser till att studera ryska historien i Sverige.

Av särskild betydelse bland de svenska arbetena om den Stora oredan är historikern Johan Widekinds omfattande verk "Thet Swenska i Ryssland Tijo åhrs Krijgz - historie". Boken kom ut i början av 1600-talet på två språk, svenska och latin. Den innehåller en detaljerad beskrivning av de rysk-svenska relationerna i början av 1600-talet och de svenska militära operationerna i Ryssland under den tiden. Beskrivningen grundar sig på ett omfattande källmaterial, som till stor del gått förlorat. Huvudsyftet med Widekinds arbete var att rättfärdiga svenskarnas krigshandlingar i Ryssland, att framställa dem som rättmätiga eller t.o.m. framtvingade. De skulle utgöra ett svar på polackernas aktioner, som hotade både Ryssland och Sverige. Widekinds huvudsakliga metod var att välja ut och kommentera dokument som passade hans syften. Emellertid meddelar han ibland fakta, som avslöjar den verkliga avsikten bakom Sveriges politik i öster.

Ryska forskare uppmärksammade tidigt Widekinds arbete. 1725 förvärvade Tatistjev boken i Sverige tillsammans med Petrejus arbete. Man vet att den fanns med bland böckerna i Peter I:s bibliotek. Boken användes av de ryska historikerna Karamzin, Solovjev, Kostomarov, Forsten och Zamjatin. I slutet av 1930-talet förbereddes en översättning till ryska av boken vid Leningradavdelningen av Institutet för Sovjetunionens historia, som lydde under Vetenskapsakademien. Kriget hindrade emellertid utgivandet av översättningen.

Bilaga**Rossica Svecana under 1600-talet****Краткий обзор шведских описаний России XVII в.****Petrus Petrej**

1. Een wiss och sanfärdigh Berätelse om några Förändringar, som i thesse framledne åhr uthi Storfurstendömet Muskow skedde äre. Stockholm, 1608.

Översättn.: Gewiser und warhafter Bericht ... Halle, 1608; Historia Pseudo-Demitrii seu Griska Drepeia Ducis Mochovitorum sermone Suetico. 1608.

Реляция П.Петрея о России нач. XVII в. М., 1976, Смута в Московском государстве. М., 1989.с. 170-195.

2. Regni Muscovitici Sciographia. Thet är: Een wiss och egentlich beskriffning om Ryssland ... Vthi sex böcker. Stockholm, 1615. Tysk uppl.: Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschow ... Lipsae, 1620.

Översättn.; ЧОИДР. 1865, кн.4, 1866, кн. 1-3. Отд. издание М., 1867

Lit.: Tarkiainen K. Petrus Petrejus som skildrare av Ryssland // Lychnos. 1973; Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа 17-перв. четв. 18 в. М., 1976; Лимонов Ю.А. История о Великом княжестве Московском Петра Петрея // Скандинавский сборник. Вып. 12. Таллин, 1967.

Matthias Schaumijs

Tragoedia Demetrio-Moscovitica. Rostock, 1614.

Översättn.: Tragoedia ... История достопамятных происшествий, случившихся со Лже-Димитрием и о взятии Вел. Новгорода // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К.М.Оболенским. М., 1847; то же ЧОИДР. 1847-48. кн.2

Lit.: Tarkiainen K. Den svenska synen på den grekisk-ortodoxa religionen i början av 1600-talet // Kyrkohistorisk årsskrift. 1971, s.118-121.

Martinus Laurentii Aschaneus

1. Cronicon Russicum, item de ordinantiis Russiae ecclesiasticis. (Handschrift, som gått förlorad)

2. Skriftelige arb. om Ryssland och thess handlingar (RA. Collectanea de scriptoribus svecicis. Bd. 4)

Lit.: Stiernman A.A. Bibliotheca Suio Gothica. Stockholm, 1731. s.219; Lundström H. Martin Aschaneus' på 1640-talet till RA öfverlämnad samling böcker och handskrifter // Kyrkohistorisk årsskrift. 7. 1906; Tarkiainen K. Den svenska synen på den grekisk-ortodoxa religionen i början av 1600-talet // Kyrkohistorisk Årsskrift. 1971.

Petrus Jansonius

Intererarium oder Aussführlicher Bericht ... Hamburg, 1619
Его сост. частью явл. 2-я часть соч. голландца Ю.Данкарта

Beschryningen van Moscovien ofte Ryssland. Amsterdam, 1615
Lit.: Tarkiainen K. En holländsk Rysslandsskildring i en svensk resedagbok från 1619.- Studier i Rossica externa // Lychnos, 1969.

Bengt Skytte

Relatio Muscovitica ad regem Gustavium Adolphum scripta. Dorpat. 13.IX.1631.- UUB.X.351; KB.B.I.2.3. (Engström saml.); RA.Manuskript saml. №70

Lit.: A.Nordberg Bröderna Skyttes ryska resor // HT.1991.4; Оболенский В.С. Рукописи по русской истории в Упсальском университете // Памятники древней письменности. СПб., 1880

Anders Trana

1. Dagbok under svenska ambassaden till Ryssland år 1665
UUB.X.355

2. En kort berättelse om Ryssland, dess inbyggjares, seder, och maneer, skriven i Muskow den 12.IV.1657 - KB.M.161.
 По мнению К.Таркиайнена - это перевод из Олеария (K.Tarkiainen. Olearius i Sverige // KFÅ.1978.s.50-69).

Claes Johansson Prytz

Tractat om Ryssland. Intinerarium per nonulas Russia et Poloniae. KB.M.259

Lit.: Nordisk familjebok. 22.1915; Bergman E.W. Ur envoyén F.Cronmans diarium vid beskickningen till Ryssland 1668-1669 // Historisk tidskrift. 16.

Peter Loofeldt

1643. Kurzer Begriff undt Bedenken durch was Mittel der Russische und sonst anderer Handel häutiger nach Narva gezogen werden können.

1660. Mercatura Ruthenica.

Lit.: Nyström P. Mercatura Ruthenica // Scandia. 1937.s.270. Шаскольский И.П. География русского рынка середины 17 века по сведениям шведского чиновника П.Лофельдта // География России 15-18 вв. (по сведениям иностранцев). Л., 1984.

Philip Krusenstierna (Crusius, Kruus)

Beschreibung der Reijs durch Moskau in und aus Persien. (okt.1635 - aug.1639) RA.Skoklostersamling.E.8911 13

1646. Grundliche Nachricht und Anweisung worinnen die Russische Handlung bestehe, wie es mit der Archangelsch Fahrt eigentlich geschaffen.

1661. Betänkande om förutsättningar och möjligheter ... // Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Ryssland under 1600-talet. Stockholm, 1978. №23.

Lit.: Кордт В. Philip Crusius von Krusenstierna, ein rehabilitierter baltischer Dichter. Dorpat, 1887; Кордт В.О. Матеріали з Стокгольського державного архіву до історії України другої половини 17- початку 18 вв. Кіев, 1930.

Johan de Rodes

1653. Ausfürliche Relation der in Reussland umbgehenden Commercién - RA.Handel och sjöfart.vol.15.

Publ.: G.Ewers. Beiträge zur Kenntnis Russland und seiner Geschichte. Dorpat, 1816.

Lit.: W. Greiffenhagen. Archangel als Handelsconcurrent Revals im 17. Jahrh. // Beiträge zu Kunde Esth- Liv- und Kurlands. IV. Reval, 1885;

Johan Philip Kilburger

1674/75. Mercatura Ruthenica (Kort underrättelse om den ryska handeln såsom denna bedrevs år 1674 med ut- och införda varor i hela Ryssland)

Publ.: Kurzer Unterricht von dem Russischen Handel, wie selbiger mit aus- und eigenhenden Waaren 1674 durch ganz Russland getrieben worden // Magazin für neue Historie und Geographie (Busching). III. 1781.

Översättn.: 1820- Языков, 1915- Курц (Б.Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915).

Lit.: Arne T. En svensk handelsspion i Ryssland på 1600-talet // Det Stora Svitjod. Stockholm, 1917; Nyström P. Mercatura Ruthenica // Scandia. 1937.

Johan Widekind

1. Thet Svenska i Ryssland Tijo åhrs Krigz-Historie, hwilket under twänne Sweriges Stormächtige Konungars, Konung Carls. IX och K. Gustaf Adolps den Andres och Stoores Baneer, Storfursten Ivan Vasilivitz Suishi och Ryssland til hielp, först emoot the Rebeller och Littower, sedan the Påler, på sidstone emoot sielfwe Muskowiterne, ifrån år 1607 in til 1617. Stockholm, 1671.

2. Historia belli Sveco-moscovitici. Holmiae, 1672.

Översättn.: Архив СПбФНРИ. Ф.276. Оп.1. №140. Машиннопись.

Erich Palmquist

Någre widh sidste kongl. ambassaden till tzaren i Muskou gjorde observationer öfver Ryssland, dess wägar, pass medh fästningar och gräntzer. Stockholm, 1674, (1898-faxim.)

Översättn.: Э. Пальмквист. Заметки о России. Новгород, 1993

Lit.: Westin G. Bilder från 1600-talets Ryssland // Ny Ill. Tidning. 1881. № 2-3; Шубинский С.Н. Шведское посольство в России в 1674 г. // Исторический вестник. 1882. VII; Готье Ю.В. Известие Пальмквиста о России // Археологические известия и заметки. 1899. № 3-4.

Посольство К. Гюлленшерны 1684 г.

Kort relation eller Memorial öfver Resan till Moscow ...
KB.D.741.

Johan Gabriel Sparvenfeld

1684-87. Dagbok - RA.Tidö ark.501.

Lit.: K. Jakobovskij. J.G. Sparvenfeld. Bidrag till en biografi. Stockholm, 1932; Birgegård U. Johan Gabriel Sparvenfeld and the Lexicon Slavonicum. Uppsala, 1985.

Anders Lindhjelm

1699-1700. En rapport om de ryska järnverken på 1600-talet // Karolinska förbundets årsbok. 1961.

SCRIPTUM

1. Egil Johansson: BOKSTÄVERNAS INTÅG. Artiklar i folkundervisningens historia. I. 28 s. 1988. Pris: 20 kr.
2. Daniel Lindmark: BARNAUNDERVISNINGEN I HÄRNÖSANDS STIFT speglad i uppfostringskommitténs enkät 1813. 86 s. 1988. Pris: 40 kr.
3. Sten Henrysson: LAPP ELLER NYBYGGARE? 11 s. 1988. Pris: 20 kr.
4. Karin Snellman: Förteckning över ERIK NORDBERGS ARKIV. 39 s. 1988. Pris: 30 kr.
5. Sten Henrysson: "LÄSTE LUTHERI CATECHES PÅ LAPSKA". Om religions- och läsundervisning i Jokkmokks socken före folkskolans införande. 31 s. 1988. Pris: 30 kr.
6. Tuuli Forsgren: SAMISK KYRKO- OCH UNDERVISNINGSLITTERATUR I SVERIGE 1619-1850. 2 uppl. 66 s. 1988. Pris: 40 kr.
7. Egil Johansson: KUNSKAPENS TRÄD. Artiklar i folkundervisningens historia. II. 73 s. 1988. Pris: 40 kr.
8. Ulf Drugge: OM HUSFÖRHÖRSLÄNGDER SOM MEDICINSK URKUND. Psykisk sjukdom och förståndshandikapp i en historisk källa. 40 s. 1988. Pris: 40 kr.
9. "CATALOGUS DISCENTIUM vid Jockmocks Schola, ifrån Åhr 1732. tå hon tog sin början." En bearbetad och kompletterad elevmatrikel över Jokkmokks lappskola. Utg. av Anita Alm, Tuuli Forsgren & Sten Henrysson. 23 s. 1989. Pris: 20 kr.
10. Egil Johansson: LÄSER OCH FÖRSTÅR. Artiklar i folkundervisningens historia. III. 39 s. 1989. Pris: 40 kr.
11. Sölve Anderzén: LAPPMARKEN I LITTERATUREN. Valda studier inom ett forskningsprojekt. 153 s. 1989. Pris: 50 kr.
12. Greger Fröjd & Robert Olsson: LAPPMARKENS PRÄSTER 1593-1904. En studie av bakgrund och karriär. 42 s. 1989. Pris: 40 kr.
13. Margareta Attius Sohlman: ABC-BOKEN PÅ KYRKSLAVISKA. Bokstävernans vandring i österled. 36 s. 1989. Pris: 30 kr.
14. Sten Henrysson: JOKKMOKKS LAPPSKOLAS ELEVER 1732-1846. En analys. 26 s. 1989. Pris: 20 kr.
15. Sölve Anderzén: "... FÖRA DEM TIL BÄTTRE LIUS I CHRISTENDOMEN..." Undervisningen vid Jukkasjärvi skola och i Jukkasjärvi församling åren 1744-1820. 153 s. 1989. Pris: 50 kr.
16. Daniel Lindmark & Stephanus Neib: UNDERVISNINGEN I LAPPMARKEN enligt svaren på 1812 års uppfostringskommittés enkät. 47 s. 1989. Pris: 40 kr.
17. Sam Engman: FÖLLINGE LAPPSKOLA 1748 - 1818. 26 s. 1989. Pris: 30 kr.
18. ARJEPLOGS LAPPSKOLA. Bearbetade och kompletterade elevmatriklar omfattande åren 1743 - 1820 och 1863 - 1875. Utg. av Carl-Henry Johansson & Johnny Flodin. 29 s. 1989. Pris: 30 kr.
19. Sten Henrysson: PRÄSTERNA I LAPPMARKEN FÖRE 1850. Ursprung och arbetsuppgifter. 27 s. 1989. Pris: 30 kr.
20. Daniel Lindmark: EN SKOLA FÖR STADEN, REGIONEN OCH KYRKAN. Elever, lärare och präster i Piteå skola före 1850. 133 s. 1990. Pris: 50 kr.
21. Carl-Henry Johansson & Johnny Flodin: ELEVERNA VID ARJEPLOGS LAPPSKOLA 1743 - 1820. En analys. 24 s. 1990. Pris: 30 kr.

22. Sven Lundkvist: DEN ÄLDRE SVENSKA FOLKBOKFÖRINGEN. - Harry Lenhammar: HISTORISK OCH KYRKOHISTORISK FORSKNING I REGIONALT PERSPEKTIV. Två föredrag vid en stiftshistorisk dag i Umeå den 26 oktober 1989. 20 s. 1990. Pris: 40 kr.
23. PRÄSTERNA OCH LIVET I LAPPMARKEN. Del 1. Sten Henrysson: Präster och skolmästare i Jokkmokks socken 1607-1850. Biografiska uppgifter. - Del 2. Carl-Henry Johansson: Släktskap och ingiften. Några exempel. 31 s. 1990. Pris: 40 kr.
24. Sölve Anderzén: JUCKASJERFWI SCHOLÆ MATRICKEL. Inrättadt wid Scholans begynnelse år 1744. En rekonstruktion. 13 + XXI s. 1990. Pris: 40 kr.
25. Sölve Anderzén: ELEVERNA VID JUKKASJÄRVI LAPPSKOLA 1744-1820. En första analys. 30 s. 1990. Pris: 40 kr.
26. Tuuli Forsgren: "...FÖRST AT INHÄMTA SPRÅKET, OCH SEDAN DERUPPÅ LÄRA SIN CHRISTENDOM..." Om finska böcker och sameundervisning i Torne och Kemi lappmarker före 1850. 45 s. 1990. Pris: 50 kr.
27. Carl F. Hallencreutz: PEHR HÖGSTRÖM OCH ANNA OLOFSDOTTER. Ett bidrag till 1740-talets samiska kyrkohistoria. 15 s. 1990. Pris: 40 kr.
28. Daniel Lindmark: LÄS- OCH SKRIVKUNNIGHETEN FÖRE FOLKSKOLAN. Historisk läskunnighetsforskning i nordiskt och internationellt perspektiv. 43 s. 1990. Pris: 50 kr.
29. Stefan Nordström: GENEALOGI OCH GENETIK. Beskrivning av sex projektområden där kyrkböcker använts i genetisk forskning. 69 s. 1991. Pris: 50 kr.
30. ÅSELE LAPPSKOLA 1732-1820. Bearbetad och kompletterad elevmatrikel. Utg. av Carl-Henry Johansson & Johnny Flodin. 33 s. 1991. Pris: 40 kr.
31. Anita Alm & Sten Henrysson: GÄLLIVARE LAPPSKOLA 1756-1850. En elevmatrikel jämte analys. 36 s. 1991. Pris: 40 kr.
32. Bengt Hjalmar Andersson: ETT BIDRAG TILL HISTORIEN OM BYN SATTER/JÄRAMÅ I LULE LAPPMARK. 39 s. 1992. Pris: 50 kr.
33. Nils Eriksson: SAMESKOLOR INOM ÅSELE LAPPMARK. Utg. av Sten Henrysson. 373 s. 1992. Pris: 75 kr.
34. Margareta Attius Sohlman: BOKSTAVENS MAKT ÖVER SLAVISKA SJÄLAR. Uppsatser och artiklar i ämnen rörande projektet "Alphabeta varia. Tidiga ABC-böcker i skilda kyrkotraditioner". 104 s. 1992. Pris: 60 kr.
35. Sten Henrysson & Johnny Flodin: SAMERNAS SKOLGÅNG TILL 1956. 82 s. 1992. Pris: 60 kr.
36. Sten Henrysson & Johnny Flodin: SAMERNAS SKOLGÅNG: 1957 ÅRS NOMADSKOLEUTREDNING. 29 s. 1992. Pris: 50 kr.
37. Sten Henrysson: DARWIN, RAS OCH NOMADSKOLA. Motiv till kåtaskolreformen 1913. 22 s. 1993. Pris: 50 kr.
38. Egil Johansson: KAN SJÄLVA ORDEN. Artiklar i folkundervisningens historia. IV. 67 s. 1993. Pris: 60 kr.
39. Sölve Anderzén: "...ATT LÄRA THEM SOM BEHÖFWA..." Undervisning, byabön och dop i Kemi och Torne lappmarker. Två bidrag till 1700-talets kyrkohistoria på Nordkalotten. 31 s. 1995. Pris: 50 kr.
40. Gennadij Kovalenko: SVERIGE OCH RYSSLAND UNDER 1600-TALET. Några episoder ur det politiska och kulturella livet. (Rysk text med korta resuméer på svenska). 41 s. 1995. Pris: 50 kr.

41. Sven Hansson: BYABÖN OCH BÖNBYAR I GAMLA UME SOCKEN. (Umeå, Sävar, Vännäs och Vindelns socknar). 106 s. 1996. Pris: 60 kr.
42. Sölve Anderzén: TEACHING AND CHURCH TRADITION IN THE KEMI AND TORNE LAPLANDS, NORTHERN SCANDINAVIA, IN THE 1700s. 33 s. 1996. Pris: 50 kr. [Översättning till engelska av Scriptum 39.]
43. Ingegerd Stenström: Förteckning över FAMILJEN LINDERS ARKIV. 53 s. 1996. Pris: 60 kr.
44. Mari Ericsson: "ETT ÄDELT KALL BLEV DIG GIVET." Småskolläraryrinnorna i Jukkasjärvi skoldistrikt 1912-1930. 48 s. 1998. Pris: 50 kr.
45. ISKYRKAN I JUKKASJÄRVI. Sakral symbol och pastoral funktion. Forskningsseminariet *Turisten i Iskyrkan* 21-23 februari 1997. Red. av Sölve Anderzén. 81 s. 1998. Pris: 100 kr.
46. Karin Snellman: Förteckning över HELMER GRUNDSTRÖMS ARKIV. 40 s. 1998. Pris: 60 kr.
47. Simone Pusch: NOMADSKOLINSPEKTÖRERNA OCH SOCIALDARWINISMEN 1917-1945. 42 s. 1998. Pris: 50 kr.
48. Edith M. Eriksson: HELMER OSSLUND OCH HANS SYSKON.
- Tidigare okänd korrespondens i familjearkiven. 57 s. 1999. Pris: 80 kr.